

Современная Американская Лингвистика:

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ

УРСС

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Филологический факультет

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Под редакцией
А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной

Издание второе,
исправленное и дополненное

УРСС
Москва • 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание данной книги было опубликовано в 1997 году под заголовком «Фундаментальные направления современной американской лингвистики» (М.: Издательство МГУ). Фактически книга вышла в свет в марте 1998 года. Оказалось, что интерес к американской лингвистике в России весьма высок, и уже через полтора года тысячный тираж был полностью распродан. Это неплохой результат для научной литературы в современной России. Одна из причин успеха первого издания состоит в том, что оно в массовом порядке использовалось в вузах, где преподаются лингвистические дисциплины. Эта книга имела также успех в зарубежной Европе и в США, причем не только среди профессиональных лингвистов-славистов, но и на славянских кафедрах, где ее использовали в качестве оригинального учебного пособия для студентов, изучающих русский язык. В течение 2000–2001 годов мы получали многочисленные запросы о книге, и поэтому очень рады возможности нового издания.

За прошедшее время в крупных лингвистических журналах было опубликовано три рецензии на «Фундаментальные направления»:

Sue Brown and Catherine Chvany. *Journal of Slavic Linguistics*. 1998. Vol. 6.2: 301–323.

А. В. Циммерлинг. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов. — Вопросы языкоznания. 2000. № 2: 118–133.

Rudolf Růžička. *Studies in Language*. 2000. Vol. 24.1: 222–229.

С точки зрения объема, первые две рецензии скорее похожи на оригинальные научные статьи, и являются таковыми по сути. Помимо изложения и обсуждения самой книги, работы С. Браун – К. Чванн и А. В. Циммерлинга содержат подробные комментарии, помешающие нашу книгу в более широкий научный контекст. Во всех трех рецензиях содержится полемика с теми или иными частями «Фундаментальных направлений», но все они приветствуют сборник и дают ему положительную оценку.

Краткая рецензия на книгу появилась также в журнале *Language*:

Agya Pereltavaig. *Language*. 2000. Vol. 76.3: 958.

Разумеется, в течение лет, прошедших с момента выхода первого издания, наука не стояла на месте, и мы не могли не задаться вопросом – не следует ли дать авторам возможность переработки и обновления своих разделов? В конце концов было принято решение сохранить все тексты в первоначальном виде. По нашему мнению, книга в полной мере сохранила свою актуальность, поскольку обзоры писались на основе новейшей литературы, вплоть до 1997 года.

Важное добавление в этом издании – новый обзор К. И. Казенина «Современные формальные теории синтаксиса: сопоставление трактовок грамма-

тической анафоры», который помещен в виде Приложения 2. В этом обзоре рассматриваются некоторые важные различия между порождающей грамматикой и альтернативными теориями формального синтаксиса, а именно LFG (лексико-функциональная грамматика) и HPSG (вершинная грамматика составляющих). Основное внимание уделено наиболее показательному классу явлений — ограничениям на грамматическую анафору (т.е. рефлексивизацию и подобные процессы). В обзоре показано, что различия в трактовке анафоры влияют на объяснительный потенциал теории. Теории, о которых идет речь в обзоре, в России до сих пор известны очень мало. Вместе с тем в американской лингвистической парадигме они занимают видное место (LFG по количеству публикаций и работающих в ее рамках лингвистов уступает только порождающей грамматике). Что не менее важно, на базе LFG и HPSG создается большое количество прикладных систем синтаксического анализа и автоматического перевода. По техническим причинам терминология из нового обзора К. И. Казенина не включена в указатель языков и в предметный указатель.

Конечно, остается большой простор для возможных дальнейших добавлений. Например, в современной лингвистике очень активно развивается комплексная дисциплина, исследующая языковое разнообразие и включающая компоненты более традиционных дисциплин — компаративистики, типологии и лингвогеографии. Предыстория языка и человека исследуется новыми методами, во взаимодействии со смежными науками — археологией, антропологией, генетикой (некоторые исследования этого рода отражены в главе 9 книги). Ряд других направлений, таких, как морфология, компьютерная (вычислительная) лингвистика, корпусная лингвистика, социолингвистика, также заслуживали бы отдельных обзоров.

Однако отмеченная еще в предисловии к первому изданию тенденция к интернационализации науки неизбежно потребовала бы включения не только американских, но и европейских, австралийских, японских исследований. Не исключено, что данный сборник был составлен в конце того периода, когда еще имело смысл говорить об американской лингвистике как о достаточно обособленной национальной научной школе.

В заключение мы хотели бы высказать благодарность издательству УРСС, выступившему с инициативой переиздания нашего сборника, а также всем авторам, чьим трудом он был создан.

А. А. Кибрик
И. М. Кобозева
И. А. Секерина

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Занятие наукой — это коллективный поиск истины. Это относится и к взаимодействию индивидуальных исследователей, и к взаимной информированности национальных научных традиций. Исторически российская лингвистика всегда была открыта к взаимодействию с другими лингвистическими традициями. Так, не остались незамеченными в России основные процессы, происходившие в XX веке в американской лингвистике. И фундаментальные труды Сепира и Блумфилда, и расцвет структурализма, и ранние этапы генеративной хомскянской лингвистики, и эволюция генеративной семантики, и типология 1970-х годов были достаточно хорошо известны российским лингвистам. Начиная с 1960-х годов в Москве издавалась серия «Новое в лингвистике» (позже — «Новое в зарубежной лингвистике»), которая играла очень важную роль — роль моста между западной и российской лингвистическими традициями.

Вместе с тем, в последние годы наблюдается парадоксальная и тревожная тенденция изоляции российской лингвистики от остального мира. Казалось бы, в эпоху свободы печати можно было бы ожидать максимальной осведомленности отечественных лингвистов о трудах их зарубежных коллег. Однако в силу главным образом экономических причин такая осведомленность не растет, а скорее падает. Это связано и с прекращением серии «Новое в зарубежной лингвистике», и с перегулируемым поступлением новейшей литературы в основные библиотеки, и со многими другими обстоятельствами. Настоящее издание призвано хотя бы частично компенсировать этот разрыв и дать российскому читателю представление об основных тенденциях в современной американской лингвистике.

В мире существует целый ряд национальных лингвистических традиций. Не подлежит сомнению, что среди них американская традиция занимает особое место; она характеризуется максимальным разнообразием и все растущим влиянием на науку других стран. В то же время, в последние годы наблюдается некоторая интернационализация лингвистики, сближение американской и западноевропейской лингвистик. Редакторы настоящего сборника убеждены в том, что и Россия не должна оставаться в стороне от этого процесса. Российские и западные лингвисты нуждаются в общем языке, на котором они могут обсуждать общие проблемы. Мы надеемся, что данный сборник послужит становлению этого языка.

Таковы основные побудительные причины, заставившие нас задуматься над созданием массива информации о современной американской лингвистике, адресованного русскому читателю. По нашему мнению, наиболее эффективный жанр компактного представления подобной

информации — это обзор. Данный том представляет собой сборник обзоров по фундаментальным направлениям американской лингвистики.

Направления, обзоры которых включены в данный сборник, являются фундаментальными во всех отношениях — и с точки зрения их теоретической ориентированности, и с точки зрения их влияния на более прикладные дисциплины, и, наконец, с точки зрения круга исследуемых вопросов: это именно те вопросы, которые в наше время в наибольшей степени будоражат умы лингвистов разных стран. При этом данный сборник не претендует на охват абсолютно всех направлений американской лингвистики, которые можно было бы признать фундаментальными. Поскольку невозможно объять необъятное, здесь не представлены или лишь кратко затронуты такие направления, как антропологическая лингвистика, философия языка, компаративистика. Тем не менее, по мнению составителей, наиболее яркие и наиболее характерные именно для современной эпохи направления американской лингвистики нашли свое отражение в книге.

С самого начала мы решили предъявлять два основных требования к авторам обзоров. Во-первых, автор должен был обладать знанием о своем предмете из первых рук, то есть активно работать в соответствующей области. Второе, не менее важное, требование состояло в том, чтобы автор хорошо представлял себе русскую лингвистическую традицию и потенциального читателя, в частности, знал, что знакомо, а что ново для российской аудитории.

Среди авторов обзоров есть и российские, и американские лингвисты. Некоторых авторов трудно квалифицировать по этому параметру, так как они принадлежат российской науке с точки зрения своего первоначального лингвистического образования, но в настоящее время работают в США. В отдельных случаях (см. ниже) мы сочли возможным представить одновременно две перспективы — российскую и американскую — на одну и ту же проблему: Как нам кажется, сопоставление этих двух перспектив представляет самостоятельный интерес.

Помимо упомянутых выше основных целей данного издания, составители имели в виду еще одну, дополнительную, цель — анализ основных тенденций развития современной лингвистики. Такой анализ содержится в некоторых обзорах. Более того, сама структура книги в значительной степени изоморфна структуре американской лингвистики, для которой характерно доминирование одной научной парадигмы — генеративной грамматики, прочно связанной с именем Ноама Хомского.

Генеративная грамматика, с самого момента ее возникновения и по сегодняшний день — это в первую очередь синтаксис. Часть I книги посвящена идеям генеративного синтаксиса. Две первые главы этой части, написанные Дж. Бейлином и К. И. Казеновым — Я. Г. Тес-

тельцом, представляют собой соответственно американскую и российскую интерпретации истории формирования современной генеративной теории. Глава 3, написанная Н. Кондрашовой, освещает генеративный подход к проблеме «свободного» порядка слов. В главе 4, написанной Н. В. Исакадзе — И. М. Кобозевой, представлена генеративная трактовка некоторых вопросов русской грамматики (падеж и вида).

Генеративная парадигма оказала большое влияние и на другие области лингвистики. Часть II книги посвящена генеративным и отчасти другим формальным подходам к фонологии, семантике и психолингвистике. Главы о фонологии и семантике написаны Е. Зубрицкой и Р. Изворской, соответственно. Психолингвистическая проблематика рассматривается в двух главах. Производство и понимание предложений освещено в главе И. Секериной, усвоение языка ребенком — в главе С. Аврутиной.

Хотя генеративная парадигма является наиболее могущественной в современной американской лингвистике, отождествлять эти два понятия было бы глубоко ошибочно. Генеративная лингвистика выглядит весьма монолитной, но за ее пределами находится огромное разнообразие альтернативных подходов. Некоторые из этих подходов рассматриваются в части III книги. В главе о функционализме (авторы — А. А. Кибрек и В. А. Плунгян) обсуждается сложный комплекс лингвистических подходов, основанных на предпосылке о мотивированности языковой формы языковыми функциями. Одни из таких подходов — концептивная семантика — более подробно рассматривается в главах А. Ченки и Е. В. Рахишиной, снова представляющих две интерпретации одного и того же направления — американскую и российскую, соответственно.

В качестве Приложения в конце книги помещена небольшая статья известного американского слависта Дж. Фаулера, написанная в 1989 году и представляющая исторический интерес: это была одна из первых попыток применить аппарат генеративной грамматики к явлениям «актуального членения» в русском языке — одной из самых популярных проблем в русистике.

С самого начала работы над книгой составители стояли на позициях полного плорализма мнений и отказались от содержательного редактирования идей, высказываемых авторами. Американской лингвистике свойственна значительная поляризация подходов, что неизбежно отражается на мнениях авторов обзоров. Более того, и сами составители сборника придерживаются во многом различных точек зрения. Поэтому читатели не должно удивлять, что в разных обзорах могут высказываться диаметрально противоположные взгляды.

Жанр обзора часто требует большей краткости и схематичности, чем можно было бы желать. Разумеется, никакой обзор не может сде-

лать читателя экспертом в соответствующей области. Обзоры, представленные в настоящем сборнике, ориентированы лишь на такую степень детальности, которая позволит читателю судить, что ему интересно, а что нет. Некоторые самые новые идеи и направления — такие, как, например, «минимализм» Н. Хомского (глава Дж. Бейлина) или Теория оптимальности (глава Е. Зубрицкой) — излагаются особенно пунктирно в силу новизны материала.

Особая проблема, с которой нам, естественно, пришлось столкнуться, — это перевод лингвистической терминологии. Некоторые переводы английских оригиналов были заимствованы из «Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике» (А. Н. Барапов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова. Под ред. А. Н. Барапова и Д. О. Добровольского. М.: «Поморский и партнеры», 1996). Другие эквиваленты были предложены авторами обзоров. Редакторы по возможности провели нормализацию переводов терминов. В ряде случаев, когда разные авторы предлагали разные переводы английских терминов, мы предпочли позицию «нейтралитета» и не стали унифицировать русские эквиваленты. Вероятно, практика покажет, какой из вариантов перевода окажется более адекватным и «живучим». Так, например, сохранились такие ряды терминов, как «перемещение», «вынесение», «e-команда», «перекрест» (Дж. Бейлин) и, соответственно, «передвижение», «выдвижение», «структурный приоритет», «пересад» (К. И. Казинин — Я. Г. Тестельца). Все подобные случаи синонимии эксплицитно отражены в указателе терминов в конце тома (составитель Н. В. Исакадзе).

В заключение, мы хотели бы выразить нашу искреннюю признательность Российскому Фонду Фундаментальных Исследований, чья поддержка сделала издание этой книги возможным. Мы благодарим также К. И. Казинина, Я. Г. Тестельца и Н. В. Исакадзе, оказавших большую помощь в работе над некоторыми главами книги.

А. А. Кибрик
И. М. Кобозева
И. А. Секерина

ЧАСТЬ III

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ТЕОРИИ:

Глава 9

ФУНКЦИОНАЛИЗМ

А. А. Кибрук, В. А. Плунгян^{*}
(Институт языкоznания РАН)

1. Вводные замечания

Лингвистическим функционализмом называется подход к языку, утверждающий, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основной пафос функционализма — объяснение языковой формы ее функциями. Очевидно, что этот пафос диаметрально противоположен основной идеи Хомского, пережившей все этапы развития генеративной грамматики — идеи о том, что универсальная грамматика (компетенция) врождена, и поэтому не нуждается в объяснении функциями (употреблением).

Структура этого тома отражает реальное соотношение сил в американской лингвистике — значительное доминирование формальной, в основном хомскианской, грамматики. Однако это не повод для того, чтобы ставить знак равенства между американской лингвистикой и хомскианством. Дело в том, что основное разнообразие американской лингвистики приходится как раз на ее меньшую часть — функционализм. Функциональная лингвистика характеризуется таким богатством идей и самых современных результатов, которое могло бы составить честь науке любой страны, даже не находящейся под доминацией совершенно иного направления мысли. Поэтому игнорировать функциональное меньшинство было бы совершенно неверно.

Противопоставление между формализмом и функционализмом не является элементарным. Здесь, скорее всего, участвуют по крайней мере два различных противопоставления: 1) интерес к формальному аппарату представления; 2) интерес к объяснениям языковых фактов. Два эти противопоставления, в принципе, логически независимы. Функционалисты в отдельных случаях формализуют свои результаты, но не готовы к тому, чтобы формализация оказалась главной целью лингвистического исследования. Формалисты объясняют языковые факты, но объясняют их не языковыми функциями, а аксиомами, которые

© Кибрук А. А., Плунгян В. А., 1997 г.

* В. А. Плунгяном был написан параграф 4.3 настоящего обзора. Остальная часть текста была написана А. А. Кибрюком

формулирует сам Ноам Хомский. (Ср. попытку собрать под одной обложкой объяснения разного рода — книгу Hawkins 1988 «Объяснения языковых универсалей».) Таким образом, вопрос в главном «фокусе интереса». Для функционалистов он состоит в том, чтобы понять: почему язык (и язык в целом, и каждый конкретный языковой факт) устроен так, как он устроен. Функционалисты не обязательно негативно относятся к формализации. Просто этот вопрос для них является десктическим.

Функционализм представляет собой мозаичный конгломерат направлений, объединенных общим принципиальным подходом. Перед авторами данного обзора стояла чрезвычайно сложная задача: представить мозаику в виде палитры. Поэтому работа над обзором неизбежно была сопряжена с механическим отсечением очень многих частей ради сохранения главного. Этот процесс включает субъективную оценку того, что может, а что не может быть отсечено. Мозаичность функционализма во многих отношениях предопределила структуру данного обзора.

Раздел 2 содержит перечень основных течений в рамках функционализма. В разделе 3 обсуждаются типы объяснений, используемых функционалистами. Структура центральной части обзора (разделы 4–6) определяется типами языковых явлений: в разделе 4 рассматриваются работы, посвященные изучению морфосинтаксиса; в разделе 5 — работы по дискурсу и его взаимодействию с синтаксисом; в разделе 6 вкратце перечисляется ряд других работ. Внутри разделов 4–6 изложение строится по персонажам, поскольку основные достижения функционализма группируются именно вокруг усилий отдельных ярких индивидуальностей. Раздел 7 посвящен взаимосвязи функционализма с когнитивной лингвистикой и психолингвистикой. В разделе 8 более детально обсуждается один конкретный вопрос: как функционалисты анализируют проблемы базового и pragmaticального порядка слов. Наконец, в разделе 9 рассматривается место функционализма в американской лингвистике и перспективы его развития.

Уместно с самого начала упомянуть несколько важных и взаимосвязанных характеристик функционализма, в корне отличающих его от генеративной грамматики.

Во-первых, функционализм — это принципиально типологическая ориентированная лингвистика. Функционализм не формулирует никаких априорных аксиом о структуре языка и интересуется всем объемом фактов естественных языков. (В противоположность этому, история генеративной грамматики 1970–90-х гг. — это поиск способов примирить материал типологически разнородных языков с априорной «Универсальной грамматикой», изобретенной Хомским в 1950–60-х гг. в качестве некоей абстракции английского синтаксиса.) Даже те функциональные работы, которые имеют дело с каким-то одним языком (будь то английский или какой-либо «экзотический» язык), как правило

ло, содержат типологическую перспективу, то есть помещают факты рассматриваемого языка в пространство типологических возможностей.

Вторая, более общая характеристика функционализма, — эмпиризм, тенденция к оперированию очень большими корпусами данных (ср. обсуждаемые ниже типологические базы данных Николс, Байби и Драера; корпусы разговорного языка, используемые Чейфом и Томпсон). Следует подчеркнуть, что эмпиризм вовсе не подразумевает антитеоретичности; многие функциональные работы представляют собой вполне связные лингвистические теории.

В-третьих, для функционализма типично использование количественных методов — от простых подсчетов (Гивон) до статистики в полном объеме (Николс, Драер, Томлин).

Наконец, для функционализма очень характерна междисциплинарность интересов. Функционалисты часто работают на непосредственном стыке или даже на территории других наук — психологии (Чейф, Томлин), социологии (Томпсон), статистики (Драер), истории и естественных наук (Николс). Эта тенденция очень характерна для современной науки в целом и обратно искусственному движению границ, преобладавшему в течение XX века.

Работы функционалистов публикуются в самых различных издательствах и журналах, но есть «собственно функционалистский» журнал — *Studies in Language* — и издательство, где публикуется значительная часть книг функционалистов — John Benjamins (Амстердам — Филадельфия). В особенности следует подчеркнуть серию *Typological Studies in Language*, в которой опубликованы очень многие из работ, которые мы будем рассматривать ниже.

В этом обзоре основное внимание уделяется работам 90-х годов, и в меньшей степени — 80-х годов.

2. Течения в рамках функционализма

Один из ключевых параметров, которые важны при уяснении различий функционализма — это вопрос о мотивированности vs. автономности языковой формы (не путать с формой представления лингвистических обобщений, о которой речь шла выше). Как и лингвистика вообще, функционализм, разумеется, изучает языковую форму. Как специфическое направление лингвистической мысли, функционализм считает, что языковая форма в принципе мотивирована языковыми функциями, то есть адаптирована к функциям, выполняемым языком. (В противоположность этому хомскианцы обычно считают, что языковая форма произвольна и немотивирована.) В работе Nichols 1984 и вслед за ней в Van Valin 1990b: 170–171 различаются три группы функционалистов:

1) «пограничные», или консервативные, функционалисты, которые рассматривают функциональный анализ как некоторый «двесок» к формальному анализу; согласно Van Valin 1990b, к этой категории относятся работы С. Купо (например, Kupo 1975); сюда также можно было бы отнести некоторые работы Дж. Хокинса (Hawkins 1994);

2) умеренные функционалисты, которые исследуют в основном грамматику, считают ее структурой, отчасти автономной, в отчасти мотивированной функциями, и обычно придают значение формализации (Р. Д. Ван Валин);

3) «радикальные» функционалисты, которые считают, что грамматика может быть сведена к дискурсивным факторам (П. Хоппер, У. Чейф).

В том понимании функционализма, которое принято в данном обзоре, «пограничные» функционалисты вообще исключаются из рассмотрения. Остальную часть спектра стоит разделить несколько иначе. Как консервативный функционализм скорее следует обозначить подход Ван Валина (см. параграф 4.1 ниже), довольно резко отличающийся от многих работ, рассматриваемых здесь. К этому же полюсу примыкают работы Николс и Драера. Остальные функционалисты образуют некий континuum от более умеренных до более радикальных, в зависимости от того, в какой степени они признают автономность грамматики от языковых функций и дискурсивных процессов. Из числа функционалистов, достаточно подробно обсуждаемых здесь, Т. Гивон представляется более умеренным, У. Чейф — более радикальным, а С. Томпсон находится посередине. Данную классификацию следует иметь в виду, хотя она и не определяет полностью порядка нашего дальнейшего обсуждения.

По сравнению с генеративной грамматикой, американские функциональные исследования выглядят весьма гетерогенными и меньше напоминают устоявшуюся научную школу. По замечанию Э. Бейтс (Bates 1987), функционалисты подобны протестантам: они едины только в отрицании авторитета Папы. Ни одно из направлений функционализма не является столь детализированным, как генеративная грамматика — это очевидно уже в силу многократной разницы в количестве людей, работающих в соответствующих областях. Но именно благодаря этому результаты американских функциональных исследований испосредственно применимы в родственных работах лингвистов других стран, в том числе и России.

В последние времена функционализм, однако, начинает приобретать черты более консолидированного направления. Не в последнюю очередь это связано с развитием телекоммуникаций и сети INTERNET. Функционалистами была создана дискуссионная группа FUNKNET,

объединяющая в настоящее время около 700 абонентов. Среди различных жанров сообщений, поступающих в FUNKNET, можно отметить интересные дискуссии по некоторым актуальным вопросам современной лингвистики — таким, как проблема грамматических отношений (осень 1994) или проблема грамматикализации (осень 1995).

Летом 1995 года была проведена первая международная конференция по функционализму (Альбукерке, Нью Мексико) — попытка создать общий форум для общения функционалистов между собой. На этой конференции были представлены практически все направления, обсуждаемые в данном обзоре.

3. Функционализм и объяснение

Предлагим обсуждение типов функциональных объяснений цитатой из одного из самых известных функционалистов — Сандры Томпсон: «Несомненно, что грамматика мотивирована в значительной степени функциональными обстоятельствами <...> Ключевая черта функционализма — это признание того, что принципы, лежащие в основе устройства языковой системы, производны от «экологического контекста», в котором функционирует язык» (Thompson 1991: 93). «Единственно правдоподобные объяснения, предлагающиеся для замечанных в разных языках закономерностей, <..> адресуются к независимо установленным принципам, находящимся вне самой исследуемой области» (Thompson 1991: 95).

Функционалисты предлагают множество различных типов объяснений, и их полный перечень и анализ выходит далеко за пределы данного обзора. Как и функционалистские подходы в целом, представления об объяснении варьируют от наиболее общего мнения, что язык устроен в соответствии со своей коммуникативной функцией, до наиболее радикальных гипотез об объяснимости любого языкового факта. Отметим, однако, некоторые наиболее распространенные типы объяснений.

В очень известной статье (Haiman 1983) Джон Хэйман напомнил о принципе иконизма, т. е. неизвестном, неслучайном соответствии между формой и функцией. Этот принцип был основательно забыт в лингвистике XX века, находящейся под доминацией социокультурского постулата о произвольности знака. В частности, согласно Хэйману, формальное расстояние между выражениями соответствует концептуальному расстоянию. 'Повалить' не синонимично 'заставить упасть', так как во втором случае, в отличие от первого, причина и следствие, скорее всего, относятся к разным моментам времени и не предполагают физического контакта.

В той же статье Хэйман обсуждает принцип экономии: при прочих равных условиях выбираются более экономные, более короткие формы.

Очень важен для современного функционализма принцип мотивации грамматики дискурсивным употреблением. Ср. следующую цитату:

«Если мы хотим понять, почему грамматические модели работают так, как они работают, мы должны обратиться к тому, как язык используется говорящими в обычном бытовом диалоге. <...> С методологической точки зрения, важно отметить, что говорящие абсолютно ничего не подозревают о факторах, влияющих на их собственное употребление. <...> Только глядя на естественный дискурс, а точнее — разговорный дискурс, мы можем выяснить дистрибутивные модели, непосредственно связанные с вопросом о том, как возникают интересующие нас грамматические модели» (Thompson, Mulac 1991: 250).

Принцип дискурсивной мотивации может варьироваться во многих разновидностях, но одна из них сводится к понятию частоты, что было сформулировано в крылатом высказывании Джона ДюБоя: «что говорящие делают чаще, то грамматика кодирует лучше» (grammars code best what speakers do most, DuBois 1985, 1987). Принцип дискурсивной мотивации, пожалуй, наиболее распространен в функциональных объяснениях. Иногда он использовался и для объяснения таких языковых явлений, которые, как кажется, являются скорее семантическими, чем дискурсивными по своей природе, в том числе, переходности (Horner, Thompson 1980), частей речи (Horner, Thompson 1984), эргативности (DuBois 1987).

Еще один очень распространенный способ объяснения — диахронический. Та или иная модель устроена так, как она устроена, потому, что она произошла из некоторой другой модели. Например:

«Чтобы понять, как местоположение предлогов/послелогов связано с порядком имени и генитивного определения, мы должны взглянуть, как устанавливается порядок при возникновении новых предлогов/послелогов и при возникновении новых посессивных конструкций. Чтобы узнать, почему суффиксы встречаются чаще, чем префиксы, следует иметь в виду, что позиция нового аффикса определяется позицией соответствующего элемента до того, как он стал аффиксом» (Bybee 1988a: 375).

Главная проблема с функциональными объяснениями состоит в следующем. Если форма X объясняма функцией A, то почему не во всех языках функция A выражается формой X? Наиболее распространенный ответ на этот вопрос — так называемые «конкурирующие мотивации» (Haiman 1983, DuBois 1985).

«Произвольность грамматической структуры по большей части обусловлена существованием равновероятных мотиваций, таких как иконизм и экономия, которые находятся в отношении конкуренции за выражение в рамках одной и той же языковой оси» (Haiman 1983: 781).

«Поскольку грамматика рождается (emerges) из конкурирующих мотиваций, корениющихся в когнитивной и прагматической организации человеческого взаимодействия, то наиболее разумный подход к объяснению грамматики, как кажется, — пытаться понять когнитивные и прагматические принципы, а также принципы «рутинизации», от которых зависят силы, формирующие грамматику» (Thompson 1991: 96).

Этот ответ на вопрос о причинах множественности соответствий между функциями и формами далеко не является беспроблемным, в частности потому, что остается неясным, когда и в силу чего побеждает та или иная из конкурирующих мотиваций. Данная проблема является одной из самых насущных для современного функционализма.

4. Морфосинтаксические исследования

Исследование морфосинтаксиса является главным занятием современного функционализма. Данный раздел посвящен рассмотрению подходов, сосредоточивающихся на морфосинтаксисе как таковом и не ориентированных на языковые составляющие большого объема (дискурс).

4.1. Референциально-ролевая грамматика (Р. Д. Ван Валин)

Для американской лингвистики характерно стремление строить целостные теории, объясняющие все и вся (разумеется, из числа фактов, вообще замечаемых данной теорией). Так обстоит дело среди формальных грамматиков — ср. генеративную грамматику Н. Хомского, Лексико-функциональную грамматику Дж. Бреснан, Реляционную грамматику П. Постала и Д. Перимуттера и т. д. В рамках когнитивной лингвистики характерна аналогичная попытка Р. Лангакера (см. раздел 4 главы 10 А. Чинки в настоящем сборнике). Для функционалистов построение глобальных теорий гораздо менее типично. Главное исключение — Референциально-ролевая грамматика (*Role and Reference Grammar*), сравнительно неплохо известная отечественному читателю в своих ранних версиях (статья Ван Валин, Фоли 1982, часто цитируемая книга Foley, Van Valin 1984). В настоящее время наиболее активным энтузиастом Референциально-ролевой грамматики (РРГ) является Роберт Д. Ван Валин. Он интенсивно продолжает развивать свою теорию и собрал небольшую группу последователей, применивших эту теорию к различным языковым явлениям и различным языкам. Эта работа недавно была подытожена в книге Van Valin 1993c.

Настоящее изложение опирается на фундаментальную статью Van Valin 1993a, по объему скорее похожую на монографию, и курс лекций Van Valin 1993b.

Программные идеи РРГ

Для Ван Валина чрезвычайно важно, что РРГ — это именно теория, причем теория глобальная, претендующая на охват языка в целом, а не какого-то частного круга явлений. «Теоретическое обязательство» Ван Валина означает, что интерпретация самых разнородных языко-

вых явлений должно быть связным, единым, и выводиться из ограниченного круга первоначальных постулатов.

Ван Валин характеризует РРГ как структурно-функциональную теорию. Первая часть этого определения подчеркивает, что РРГ разделяет традиционный для XX века структуралистский взгляд на язык как на систему, в центре которой находится грамматика. Второй компонент определения указывает на то, что Ван Валин считает грамматику не автономной, а, напротив, относительно мотивированной семантическими и коммуникативными факторами.

В отличие от радикальных функционалистов, Ван Валин уделяет основное внимание исследованию грамматики и не считает, что грамматика может быть сведена к каким-либо другим феноменам (например, дискурсу). В отличие от Хомского, Ван Валин стремится не только к описанию, но и к объяснению грамматики и признает, что язык не сводится к грамматике.

РРГ изначально является типологически-ориентированной теорией и опирается на данные самых разнообразных языков.

РРГ признает единственный синтаксический уровень и не предполагает никакого аналога трансформаций. Синтаксический уровень непосредственно связывается с семантическим уровнем.

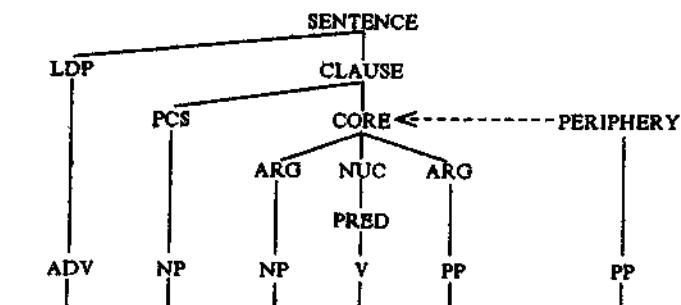
Основные компоненты РРГ в ее нынешнем виде следующие:

- теория структуры клаузы
- теория семантических ролей и лексического представления
- теория синтаксических отношений и падежа
- теория сложного предложения.

Дальнейшее изложение в основном следует указанным рубрикам.

Теория структуры клаузы

Согласно РРГ, клауза (элементарное предложение; clause) состоит из нескольких «слов». Первое членение клаузы — на центр (core) и периферию (periphery). Внутри центра далее выделяется ядро (nucleus). Ядро — это предикат клаузы. Помимо предиката, в центре находятся аргументы предиката (в более привычной для русской лингвистики терминологии — актанты). Периферия включает прочие элементы клаузы — не-аргументы (т. е. фактически сирконстанты). Клауза также может включать предцентральную позицию (pre-core slot, PCS), в которой располагаются, например, вопросительные слова ряда языков. Предложение (простое) состоит из клаузы и, кроме того, может включать обособленную позицию, чаще всего левую (left-detached position, LDP). Все эти составляющие показаны на примере английского предложения *Yesterday, what did John show to Mary in the library?* «Что Джон показал Мэри в библиотеке вчера?» на Рис. 1.

Yesterday, what did John show to Mary in the library?

Рис. 1. Составляющие простого предложения в РРГ (Van Valin 1993a: 7)*

Ван Валин особо указывает, как следует анализировать языки с «местоименными аргументами» (pronominal argument languages, см., например, Saxon 1989). В языках этого типа (особенно характерного для Америки) аргументами предиката являются не именные группы, а местоименные морфемы или клитики в составе глагольной словоформы. Именные группы, если они имеются, входят в состав клаузы, но не в состав центра. Ср. предложение из языка лакота (скуанская семья, Сев. Америка), в котором аргументами являются местоименные морфемы, а ИГ 'медведь', кореферентная одной из этих морфем, выступает в функции необязательной составляющей:

- (1) mathó ki hená wičhá-wa-kte
медведь Опред. те их-я-убил
'Я убил медведей'

Структура составляющих, соответствующая этому предложению, изображена на Рис. 2.

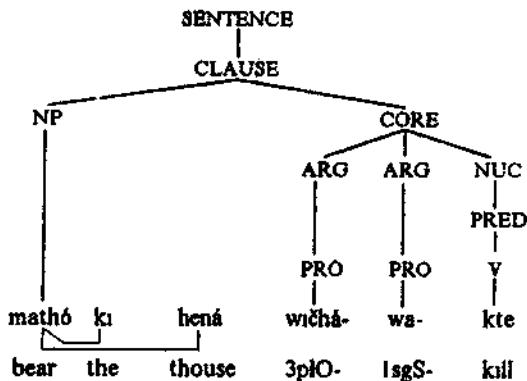

Рис. 2. Структура клаузы в языке с местоименными аргументами (Van Valin 1993b: 4)

* Все рисунки и таблицы, воспроизведимые в данном обзоре, перепечатываются по разрешению издательств John Benjamins (Амстердам–Филадельфия) и University of Chicago Press.

Языки с местоименными аргументами довольно часто привлекали внимание лингвистов различных направлений (см., например, Jeinek 1985, Mithun 1986), однако следует отметить, что Ван Валин указал на это явление одним из первых (Van Valin 1977, 1985). Кроме того, Ван Валин использовал материал языка лакота для одной из наиболее развернутых полемических атак на Теорию управления и связывания Хомского (Van Valin 1985).

К каждому слову клаузы могут применяться операторы, семантически модифицирующие элементы соответствующего слова. Пример оператора, областью действия которого является ядро, — вид. Пример оператора центра — модальность. Операторы клаузы в целом — время, засвидетельствованность, иллоктивная сила. Относительный порядок морфем, соответствующих операторам, может быть предсказан на основе данной типологии операторов. Так, морфемы модальности располагаются ближе к глагольному корню, чем морфемы времени, а морфемы вида — еще ближе (ср. Вуде 1985).

В РРГ одно и то же предложение может иметь различные проекции (projections). Выше были приведены иллюстрации проекций составляющих. На Рис. 3 показаны одновременно проекции составляющих и проекция операторов (в нижней части) для предложения *John did not show the book to Mary yesterday* 'Джон не показал Мэри книгу вчера'.

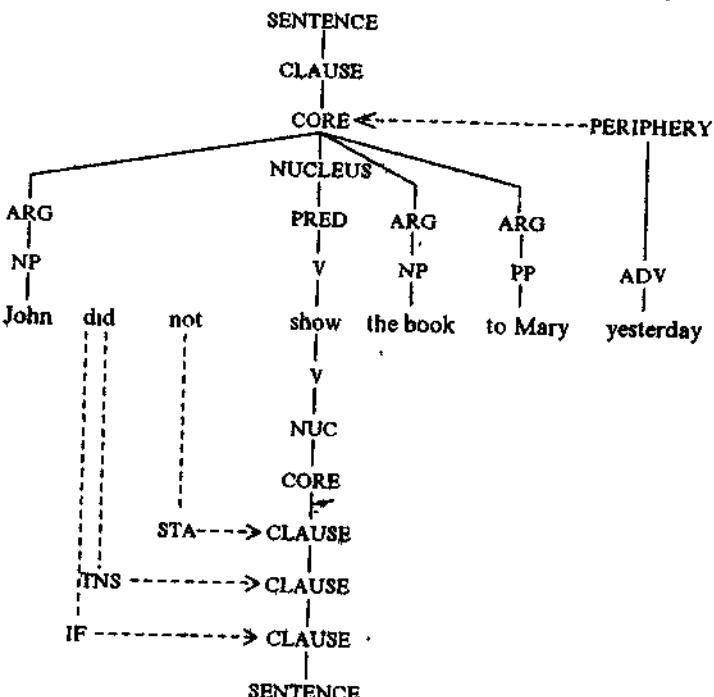

Рис. 3. Проекции составляющих и проекция операторов (Van Valin 1993b: 7)

Особый аспект структуры клетки — ее информационная структура. Этот компонент РРГ отражает «прагматическое» измерение языка. Теория информационной структуры в РРГ в основном опирается на известные максимы Грайса и недавние работы Кнуда Ламбрехта (Lambrecht 1987, 1994). Высказывание включает топик (информация, входящая в прагматическую пресуппозицию говорящего) и фокус (информация, добавляемая к пресуппозиции в данном высказывании). В утвердительном высказывании фокус утверждается, в вопросительном является объектом вопроса.

В наибольшей степени Ван Валина интересуют типы фокуса и фокусная структура. Фокус может быть узким и распространяться лишь на одну составляющую (например, ИГ: *Что сломалось?* — *Сломалась моя машина*), а может быть широким; в последнем случае различается предикатный фокус (*Как твоя машина?* — *Она сломалась*) и синтаксический фокус (*Как дела?* — *У меня машина сломалась*). Средства маркирования фокусной структуры могут быть синтаксическими, морфологическими и просодическими. Языки различаются с точки зрения так называемой потенциальной фокусной области (potential focus domain, PFD). Так, в английском языке вся клетка входит в PFD, а, например, в итальянском из PFD исключается предглагольная позиция.

Проекция фокусной структуры — третья среди проекций предложения, выделаемых в РРГ. Эта проекция всегда указывает PFD (постоянную характеристику данного языка) и фактическую фокусную область (actual focus domain, AFD) — характеристику данного высказывания. Проекции фокусной структуры для предложения *John presented a girl with some flowers* 'Джон подарил девушке цветы' показана в нижней части Рис. 4. PFD и AFD всегда находятся внутри области действия оператора IF (иллокутивной силы).

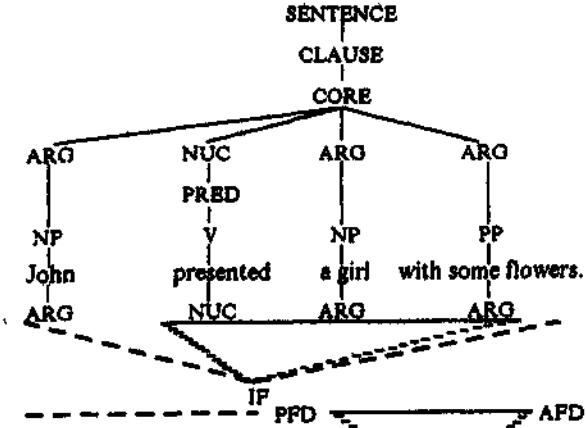

Рис. 4. Проекция составляющих и проекция фокусной структуры (Van Valken 1993a: 30)

Как замечает Ван Валин, исмаркированный тип фокуса — предикатный фокус. Чаще всего предикатный фокус совпадает с группой глагола (VP), выделяемой в ряде других синтаксических теорий. По мнению Ван Валина, VP — не элементарная и не универсальная сущность, а просто грамматикализация предикатного фокуса, характерная для некоторых языков.

Теория семантических ролей и лексических представлений

Вероятно, наиболее известные для русского читателя понятия РРГ — это «макророли» Актор (Actor) и Претерпевающий (Undergoer). В своих последних работах Ван Валин определяет эти понятия с помощью достаточно сложной последовательной процедуры.

Первый шаг этой процедуры — классификация глаголов, основанная на работах Vendler 1967 и Dowty 1979. Четыре основных класса Вендлера — states, achievements, accomplishments и activities. Эти термины можно переводить по-разному (ср. Падучева 1995: 90), но здесь используются дословные переводы: состояния, достижения, выполнения и деятельности. Примеры: состояния — быть мертвым, быть холодным, знать, иметь; достижения — умереть, остыть, узнать, получить; выполнения — убить, остудить, научить, дать; деятельности — плыть, говорить, смотреть. С помощью системы тестов (таких, как употребляется ли в прогрессиве? употребляется ли с наречиями типа *активно*? употребляется ли с выражениями типа *в течение часа*? и пр.) для каждого глагола можно определить, к какому из четырех классов он относится.

Между тремя первыми классами имеются регулярные деривационные отношения: состояния → достижение → выполнение (ср. списки примеров выше). Достижение — это процесс, результатом которого является соответствующее состояние, а выполнение — это каузации соответствующего достижения (иногда деятельности). Таким образом, простейшими классами глаголов являются состояния и деятельности. Состояния и деятельности подвергаются дальнейшей классификации (см. Таблицу 1).

Для каждого класса глаголов постулируется особая логическая структура, указывающая набор аргументов глагола. Формализм логической структуры здесь опускается. Логическая структура является центральным компонентом лексического представления глагола.

На основе классной принадлежности и логической структуры каждому глаголу приписываются семантические роли. Роли «первого яруса» — тематические отношения (thematic relations). Континуум тематических отношений по Ван Валину приведен на Рис. 5.

Рис. 5. Континуум тематических отношений (по Van Valken 1993a: 41)

Континуум тематических отношений между двумя полюсами — агентом и пациентом — может члениться в разных языках по-разному. Так называемая «тема» (*theme*) — это участник, который, как и пациент, подвергается воздействию, но, в отличие от пациента, не меняет радикально своего состояния (например, пациент разбивают или раздавливают, а тему лишь перемещают). Некоторые тематические отношения на схеме на Рис. 5 — это фактически обобщающие ярлыки для групп отношений. Так, «место» (*locative*) — общий термин для целого семейства отношений: источник, путь, цель, реципиент и др. «Эффектор» (*effector*) — это общий термин для инструментов и сил, которые осуществляют воздействия, но не обязательно обладают волитивным началом. Агент — это эффектор, обладающий волитивностью.

В РРГ тематические отношения не имеют самостоятельного значения, и базируются исключительно на классе глагола и логической структуре. Примеры соответствий между классами (подклассами) глаголов и тематическими отношениями показаны в Таблице I.

Класс глагола	Пример	Тематические отношения
СОСТОЯНИЕ		
А. Локативное	находиться	кто: тема, где: место
Б. Не-локативное		
Качество	быть сломанным	кто: пациент
Восприятие	видеть	кто: эксперинцер, кого: тема
Мышление	думать	кто: эксперинцер, что: тема
Обладание	иметь	кто: место, что: тема
Тождество	быть	кто: место, кем: тема
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		
А. Неконтролируемая	плакать	кто: эффектор
Б. Контролируемая	бежать	кто: агент

Таблица 1. Классы глаголов и соответствующие им тематические отношения
(по Van Valin 1993а: 39)

Второй ярус семантических ролей — макророли (*macroroles*): Актор (*Actor*) и Претерпевающий (*Undergoer*). Необходимость в макроролях обусловлена тем, что в грамматиках языков группы тематических отношений ведут себя сходным образом. Так, в английском активном залоге агент, эффектор, эксперинцер и место выступают в качестве подлежащего, а пациент, тема, место и эксперинцер — в качестве прямого дополнения. Естественно считать, что эти группы тематических отношений обладают определенным семантическим единством, которое обуславливает их одинаковое поведение. Взаимосвязь между двумя ярусами семантических ролей изображена на Рис. 6. Стрелки показывают направление от немаркированной к маркированной реализации данной макророли посредством того или иного тематического отношения.

Рис. 6: Иерархия Актора/Претерпевающего (по Van Valin 1993а: 44)

Иными словами, наиболее типичный Актор — это агенс, но при отсутствии агента Актором оказывается эффектор, эксперинцер или место. Даже тема может быть Актором — например, в глаголе *хотеться*. Наиболее типичный Претерпевающий — это пациент, но Претерпевающим также может оказаться тема, место, эксперинцер, и даже эффектор (каузируемое лицо в каузативных глаголах).

В РРГ формулируются правила присоединения макроролей аргументам глагола на основе логической структуры. Так, например, одноместные глаголы, логическая структура которых указывает на деятельность, имеют макророль Актор, а те, у которых логическая структура не содержит такого указания — Претерпевающий. Если глагол имеет более двух аргументов, например три, то один из аргументов не соответствует никакой макророли. Так, в глаголе *послать посылающей* — Актор, посылка — Претерпевающий, адресат посыпаны — аргумент, не имеющий макророли.

Макророли представляют собой интерфейс между тематическими отношениями и синтаксическими отношениями, не будучи идентичны ни тем, ни другим.

Теория синтаксических отношений и падежа

РРГ не предполагает, что во всех языках должны быть синтаксические отношения. Согласно РРГ, их может не быть, а в тех языках, где они есть, они могут быть устроены по-разному. В качестве одного из примеров языков, где нет оснований постулировать синтаксические отношения, приводится ачинский язык (австронезийская семья, Суматра) в описании Durie 1985, 1987. Все синтаксические конструкции в этом языке могут быть описаны в терминах макроролей, и привлекать дополнительный уровень абстракции нет необходимости.

По мнению Van Valina, ачинский тип очень редок и большинство языков нуждаются в постулировании тех или иных синтаксических отношений. Однако традиционные синтаксические отношения «подлежащее», «прямое дополнение» и «непрямое дополнение» не могут использоваться в роли универсальных понятий. Накопившиеся в типологической литературе данные по эргативным и активным языкам, а также по ряду других языков (например, филиппинским), вынуждают отказаться от этих понятий и искать альтернативные, более универсальные подходы. Центральное понятие, используемое в РРГ для этой цели, — понятие ось (*pivot*) синтаксической конструкции. Ось синтаксической конструкции — это ограниченная нейтрализация семантических ролей, имеющая опреде-

лениную синтаксическую функцию в данной конструкции. Для таких языков, как английский или дарбдал, во многих конструкциях выделяются оси, не совпадающие с семантическими родами. В отличие от понятия подлежащего, понятие оси характеризует не язык в целом, а конкретную конструкцию (сочинительную, согласовательную и т. п.). Во многих языках в конструкциях разных типов оси выделяются на разных основаниях. Так, в языке хакальтек (майанская семья, Центральная Америка) Ван Валин выделяет пять осей, функционирующих в семи основных синтаксических конструкциях (Van Valin 1981). Таким образом, многочисленные трудности, связанные с применением синтаксических отношений европейского типа к языкам, которым они не свойственны, попросту отпадают.

От каких факторов зависит выбор оси синтаксической конструкции? Он может зависеть от дискурсивно-прагматических факторов. Так, если некоторый референт является главным действующим лицом дискурса, в ряде языков он будет выбираться в качестве оси очередной клаузы независимо от его роли: если он выступает в роли Актора, то будет использоваться активный залог, а если в роли Претерпевающего — пассивный (примерно так обстоит дело в английском языке). В других языках (например, папуасском языке амеле, см. Roberts 1988) в качестве оси должен всегда выбираться Актор, даже если главное действующее лицо — Претерпевающий. В одном и том же языке ось может быть зависимой от прагматических факторов в одних конструкциях, и независимой — в других. Именно такие случаи послужили материалом для понятия «расщепленного подлежащего», которое иногда применилось к филиппинским и некоторым зргативным языкам.

Ван Валин различает два типа синтаксических осей: зависимые и независимые от прагматики. Первые называются прагматическими осями, вторые — семантическими осями. Семантические оси немаркированы, и имеют место всегда, когда вообще имеет смысл говорить об осах. Прагматически оси более специфичны и часто дистрибутивно ограничены.

Если понятие оси является более универсальным заменителем понятия подлежащего, то что соответствует в РРГ понятию прямого дополнения? Ван Валин отмечает, что прямое дополнение используется синтаксическими теориями для описания двух основных типов конструкций — залога и аппликатива — и показывает, что эти явления могут быть описаны посредством уже введенных понятий аргумента и Претерпевающего.

В ряде более частных исследований — для исландского языка (Van Valin 1991b) и для грузинского языка (Van Valin 1990a) — Ван Валин предлагает правила выбора морфологических падежей на основе макроролей. Такого же рода правила могут формулироваться для описания согласования.

Семантические и синтаксические представления в РРГ связаны друг с другом. Установление этой связи (*linking*) в наиболее общем виде представлено на Рис. 7.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

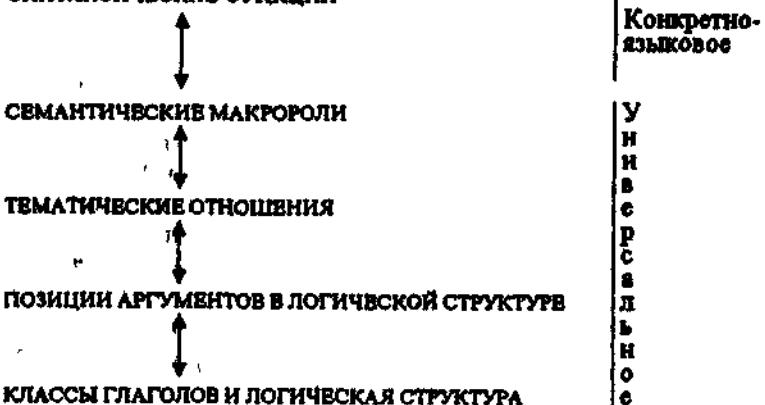

Рис. 7: Установление связи между семантическими и синтаксическими представлениями в РРГ (по Van Valin 1993a: 75)

Переходы от одного представления к другому изображаются в РРГ в виде алгоритмов: от логической структуры к синтаксической и обратно. Технические детали этого алгоритма выходят за пределы данного изложения, но его этапы соответствуют схеме на Рис. 7. Наряду с тремя проекциями (составляющими, операторов и фокусной структуры), схема установления связи — это четвертое измерение, которое придается в РРГ каждому предложению. На Рис. 8 изображено комплексное представление предложения *What did Pat give Robin yesterday?* — три проекции и схема установления связи. Этот рисунок представлен на обложке книги Van Valin 1993c.

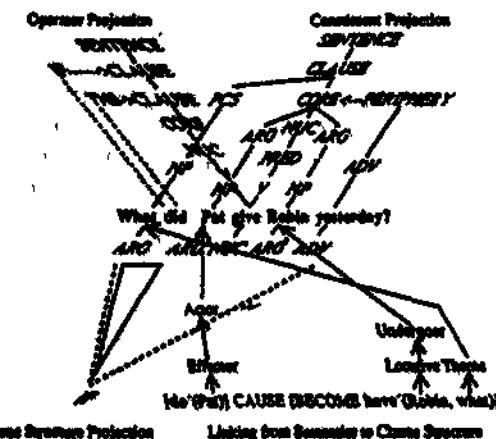

Рис. 8: Комплексное представление предложения в РРГ, включая схему установления связи между логической и синтаксической структурой (Van Valin 1993a: 88)

Теория сложного предложения

Теория сложного предложения занимает очень значительное место в РРГ, но не может быть представлена в данном обзоре по соображениям объема. Теория сложного предложения состоит из двух основных частей: теории структуры сложного предложения и установления связи между семантическим и синтаксическим представлением сложного предложения. Большое внимание уделяется случаям, промежуточным между сочинением и подчинением в традиционном понимании этих терминов. Такого рода промежуточные случаи иллюстрируются в основном материалом папуасских языков. Van Valin использует понятие соподчинения и вводит типологически-ориентированную шкалу тесных/свободных семантических отношений и соответствующих им сильных/слабых синтаксических связей между клаузами.

Приложения РРГ

Пожалуй, наиболее интересный компонент РРГ, который присутствовал в более ранних версиях этой теории, но не нашел отражения в Van Valin 1993a, — это типология средств отслеживания референтов (*referent tracking*) в дискурсе, ср. Foley, Van Valin 1984: Ch. 7, Van Valin 1987. РРГ в ее наиболее позднем изложении (Van Valin 1993a) не выходит за пределы предложения, хотя Van Valin и предполагает продолжать исследования, связанные с дискурсивными явлениями.

Вторая часть книги Van Valin 1993c — приложения теории, изложенной в теоретической части (Van Valin 1993a), к различным языковым явлениям. Упомяну лишь несколько из этих явлений: конструкции с сериальными глаголами и сентенциальными актантами в китайском языке; сложное предложение в языке с вершинным маркированием — нутка; употребление предлогов в английском языке; универсальные характеристики номинатива и датива; семантическая и синтаксическая структура глагола 'помнить' в английском языке и в языке аранда. Среди участников сборника, принявших РРГ в качестве аппарата описания, — такие весьма известные лингвисты, как Уильям Джейкобсен, Майкл Сильверстайн, Линда Шварц, Дэвид Уилкинс.

Особо следует отметить, что Van Valin не уступает хомскианцам и в стремлении охватить своей теорией проблемы, относящиеся к ведению психолингвистики и нейролингвистики. Van Valin, в частности, утверждает, что подход РРГ к усвоению языка ребенком позволяет отказаться от классических хомскианских тезисов о врожденности универсальной грамматики и об автономности грамматики (Van Valin 1991a, 1992, 1995). Van Valin также начинает приминять свою теорию к исследованиям афазии, а также участвует в одном из первых лингвистических исследований (Jaeger et al. 1996), приминяющих технику позитронно-эмиссионной томографии (PET). (Метод PET позволяет ви-

зуально наблюдать происходящие в мозгу процессы на уровне участков мозга или даже групп нейронов.)

4.2. Вершинное/зависимостное маркирование и его корреляты (Дж. Николос)

В 1986 году появилась статья Джоханны Николос «Грамматика вершинного и зависимостного маркирования» (Nichols 1986), в которой была сформулирована одна из важнейших инноваций грамматической теории последних десятилетий. Синтаксическое отношение между двумя составляющими (словами) может быть морфологически маркировано на главной составляющей, вершине (*head*), а может на зависимой (*dependent*). Например, посессивное отношение в генитивной конструкции маркируется на зависимом элементе — посессоре (*дом мужчины*), а в конструкции другого типа, именуемой иногда «изафетной», маркируется на главном элементе — обладаемом (*венд. eitber kaza*, букв. 'мужчина дом-его'). В рамках клаузы ролевые отношения могут маркироваться на именных группах в виде падежных маркеров, а могут в составе глагола (последнее явление может быть проиллюстрировано маркерами согласования глагола с подлежащим). Именно это противопоставление Николос предложила называть *вершинным* vs. *зависимостным* маркированием. Помимо посессивных групп и клауз, Николос также рассматривает ряд других синтаксических отношений, в особенности атрибутивные группы и предложные/послеложные группы. Помимо чистого вершинного и чистого зависимостного маркирования, встречается также двойное маркирование, варьирование разных моделей и отсутствие морфологического маркирования.

Николос предложила взглянуть на языки мира с точки зрения того, как в них распределяется данное противопоставление. Некоторые языки обнаруживают тенденцию к последовательно вершинному или последовательно зависимостному маркированию. Так, два кавказских языка, чеченский и абхазский, реализуют полярные стратегии в этом отношении: в первом используется исключительно зависимостное маркирование, во втором — исключительно вершинное. Другие языки оказываются менее последовательны и располагаются между этими двумя полюсами. Николос предложила количественный индекс типа маркирования, варьирующий от -7 до +7. Абхазский язык имеет индекс -7, чеченский +7, а арабский 0.

Склонность к вершинному либо зависимостному маркированию — исторически устойчивая характеристика языков. Такие языковые семьи, как атабаскская, майанская, вакашская, салицкая, ирокезская, смуанская и алгонкинская (все — Северная и Центральная Америка) последовательно склонны к вершинному маркированию, а нахско-дагестанская, индоевропейская и дравидская — к зависимостному.

Сами эти два списка ведут к следующему наблюдению — преобладанию того или иного типа в определенных географических ареалах. В частности, для Евразии типично зависимое маркирование, а для Северной Америки — вершинное.

Николс приводит большое количество количественных и графических данных, описывающих распределение типов маркирования в языках мира. Работа снабжена статистическим аппаратом, позволяющим проверить неслучайность отмеченных закономерностей.

Конечно, само явление вершинного маркирования, экзотическое с точки зрения европоцентрического подхода, отмечалось и раньше, в первую очередь Францем Боасом, исследовавшим североамериканские языки. Боас заметил, во-первых, что в ряде языков глагольная словоформа фактически эквивалентна целому предложению, а во-вторых, что это явление очень характерно для Северной Америки (Boas 1911/1964). Данное явление, традиционно известное под названием полисинтезизма, в последние годы привлекло большой интерес как функционалистов (Van Valin 1977, 1985, Mithun 1985), так и генеративистов (Jelinek 1985, Saxon 1989). В ряде работ маркеры аргументов в составе глагола были проинтерпретированы как связанные анафорические местоимения, а языки такого типа получили наименование «языков с местоименными аргументами» (подробнее см. Кибrik 1992). В работе Николс обсуждается ровно то же самое явление, но ее новаторство, среди прочего, состоит в том, что параметр вершинного/зависимостного маркирования прослежен в составляющих разных типов, а не только на уровне предикатно-аргументных отношений.

Основной акцент работ Николс, появившихся после статьи 1986 года, — на исторических и ареальных особенностях распределения морфосинтаксических явлений. В своих пионерских работах Николс связывает воедино такие традиционно слабо связанные области знания, как типология, историческая лингвистика и лингвогеография, привлечекая к тому же данные геологии, археологии и биологии. Статья Nichols 1990 («Языковое разнообразие и заселение Нового Света») посвящена объяснению следующего факта: в Америке, по сравнению с Евразией, число генетических семей очень велико, особенно с учетом сравнительно меньшей площади Америки. Объяснения носят географический и экономический характер. Низкие широты, побережья и горы — факторы, способствующие возникновению малых групп, а следовательно, большему языковому разнообразию. Высокая генетическая плотность Америки обязана именно таким географическим ареалам, и аналогичные явлений наблюдаются в других географически сходных регионах, таких как северная Австралия, Новая Гвинея, Кавказ и др. (подробнее см. ниже). Николс также обсуждает вопрос о хронологии заселения Америки, и приходит к выводу, что оно должно было происходить не менее 40 тыс. лет назад несколькими последовательными волнами.

Главная и наиболее глобальная работа Николс — книга «Языковое разнообразие во времени и пространстве» (Nichols 1992), фактически закладывающая основы новой лингвистической дисциплины, исследующей различные виды языкового разнообразия и, наоборот, стабильности. Николс различает три типа стабильности: типологическую (одна характеристика языка предопределяет другую), историческую (одна и та же характеристика является общей для языков одной генетической группы) и географическую (одна и та же характеристика проявляется в неродственных языках определенного ареала). Типологический аспект книги во многом связан с проверкой теории языковых типов Г. А. Климова (Климов 1977, 1983). Типологические данные используются в качестве материала, а основная цель работы — исследование языковой предыстории, приведшей к современному генетическому и географическому распределению языков.

Николс различает три термина, обозначающих генетические группы языков. Семья (stock) — генетическое единство глубиной более 5000 лет, напр., индоевропейская семья (ок. 6 тыс. лет), афроазиатская семья (ок. 8000 лет). Подсемья (family) — единство глубиной 2500-4000 лет, порядка балтославянской группы. Родовой термин для семьи и подсемьи — генетическая группа (lineage). Николс предлагает дополнить традиционный генетический подход к разнообразию «популяционным» подходом — исследованию популяций языков, распространенных в том или ином ареале.

Николс различает 3 макроареала (Старый Свет, Новый Свет и Тихоокеанский регион), а внутри них выделяет 10 ареалов (континентов и субконтинентов), на которых основывает свою выборку и базу данных (см. ниже); эти ареалы указаны на Рис. 9.

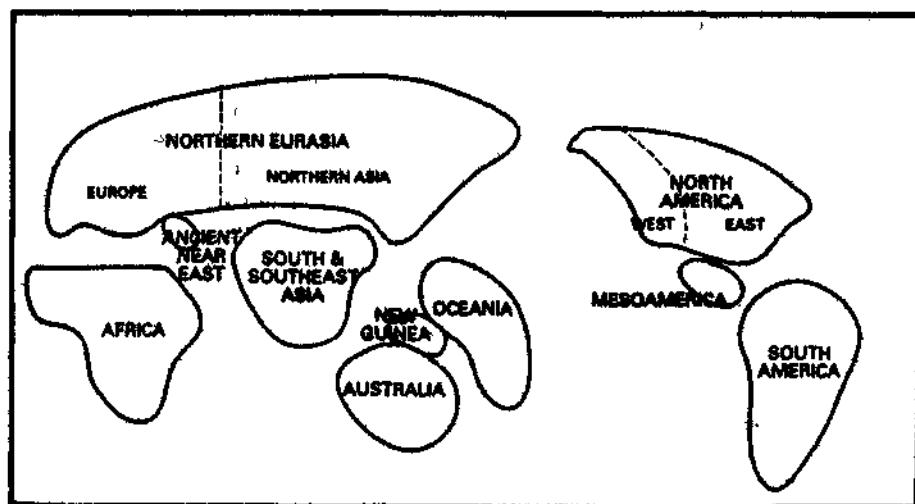

Рис. 9: Географические ареалы Николс (Nichols 1992: 28)

Николс также вводит важное лингвогеографическое противопоставление — протяженных (*spread*) и замкнутых (*residual*) зон. Протяженные зоны, обычно представленные на равнинах, характеризуются сравнительно малым генетическим разнообразием. Замкнутые зоны обычно возникают в географически ограниченных ареалах (ограниченных горами, океанами и т. п.) и отличаются высоким уровнем разнообразия. Классические примеры: для протяженной зоны — евразийская степь, для замкнутой зоны — Кавказ. Опираясь на новаторскую работу *Austerlitz 1980*, Николс формализует понятие генетического разнообразия того или иного ареала посредством индекса генетической плотности (*genetic density*), измеряемого как количество генетических семей на миллион квадратных миль площади. Различные ареалы имеют поразительно различающиеся индексы плотности — см. Таблицу 2.

Ареал	Число семей	Генетическая плотность
Африка	20	1.7
Древний Ближний Восток	6	12.0
Северная Евразия	18	1.3
Южная и Юго-восточная Азия	10	1.5
Новая Гвинея	27	88.8
Австралия	15	5.1
Океания	4	недостаточно данных
Северная Америка	50	6.6
Мезоамерика	14	28.0
Южная Америка	93	13.6
Весь мир	249	4.8
Старый Свет	46	1.5
Тихоокеанский регион	46	14.1
Новый Свет	157	10.6
Замкнутые зоны		
Эфиопия и Кения	6	4.9
Кавказ	6	16.1
Побережье Северной Азии	7	недостаточно данных
Северная Австралия	11	16.0
Калифорния	14	34.1
В среднем		17.8
Протяженные зоны		
Европа	6	1.6
Центральная Австралия	7	3.1
Центр Северной Америки	8	2.5
Древний Ближний Восток	6	12.0
Мезоамерика	14	28.0
В среднем		9.4

Таблица 2. Генетическая плотность ареалов, макроареалов, замкнутых и протяженных зон (по Nichols 1992: 233)

Работа Николс основана на тщательно построенной выборке языков, включающей 174 языка. Выборка является представительной по отношению к совокупности языков мира и позволяет проследить генетические и ареальные тенденции языкового варьирования/стабильности. На Рис. 10 показана степень покрытия географических ареалов в выборке Николс (чтобы визуально представить себе контуры континентов, можно мысленно наложить Рис. 9 на Рис. 10).

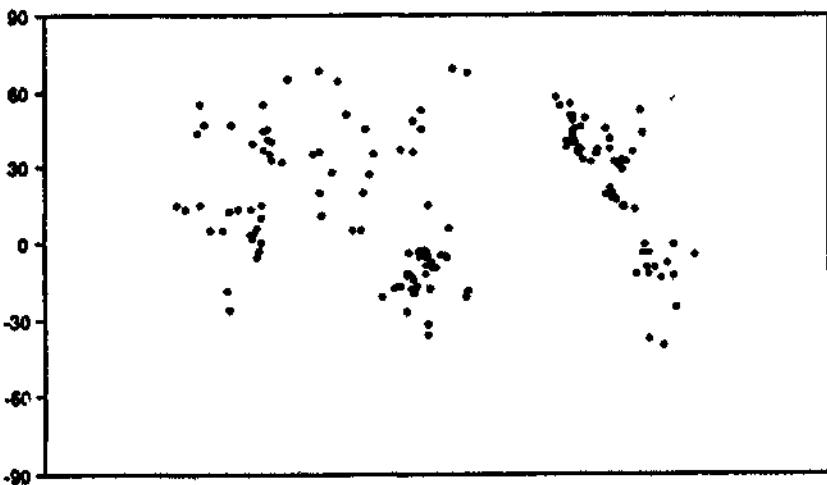

Рис. 10. Географическое распределение языков, входящих в выборку Николс (Nichols 1992: 29)

В базе данных работы каждый язык выборки охарактеризован по 32 морфосинтаксическим признакам. База данных представляет собой основу для всех наблюдений и обобщений, содержащихся в книге Николс. Последующие семь абзацев представляют собой краткие рефераты семи центральных глав книги Николс.

Четыре основных морфосинтаксических характеристики, исследуемых Николс, это: 1) вершинное/зависимое маркирование; 2) морфологическая сложность (количество морфологических маркеров синтаксического отношения); 3) оформление семантических ролей (*alignment*) (нейтральное/аккузативное/эрративное/активное...); 4) базовый порядок слов (с глаголом в начале/с глаголом посередине/с глаголом в конце). Какие типы грамматических моделей преобладают в языках мира? Оба типа маркирования встречаются в языках примерно с равной частотой, хотя распределены по ареалам неравномерно;

в частности, вершинное маркирование особенно характерно для Северной Америки — ср. карты на Рис. 11 и рис 10. Морфологическая сложность характеризуется нормальным распределением (в статистическом смысле) по языкам мира. Относительная частотность типов ролевого оформления такова: Аккуз. > Нейтр. > Эрг. > Акт. > Порядок слов с конечным глаголом существенно частотнее всех прочих.

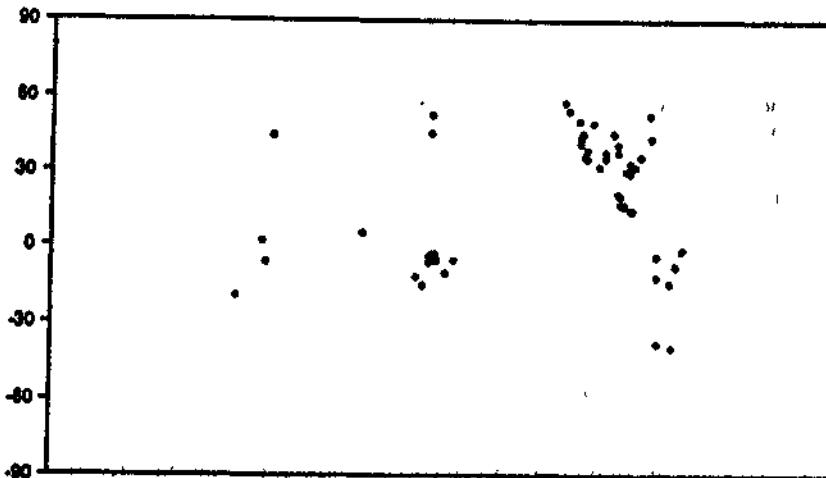

Рис. 11. Языки с вершинным маркированием в выборке Николс (Nichols 1992: 29)

Между языковыми типами, выделяемыми на основе четырех основных характеристик, наблюдаются определенные корреляции. Вот некоторые из корреляций, которым Николос присваивает статус универсалий. Неожиданным образом, вершинное маркирование (которое часто имелось полисинтезом) коррелирует с меньшей морфологической сложностью, а зависимостное маркирование — с большей. Эргативность коррелирует с зависимостным маркированием, а активность — с вершинным. Начальное положение глагола коррелирует с вершинным маркированием. Важный вывод состоит в том, что вершинное/зависимостное маркирование — самая независимая и наиболее влиятельная языковая характеристика.

Определенные корреляции наблюдаются и между языковыми типами, с одной стороны, и более частными грамматическими категориями, с другой. Так, тип маркирования значительно влияет на наличие в языке неотторжимой принадлежности и роли (вершинное маркирование естественно сочетается с маркированием характеристик поессора на обладаемом и характеристик аргументов на глаголе). Тип ролевого оформления влияет на залоговые характеристики языков. Такая

категория, как инициозив/эксклюзив в местонимной системе, не коррелирует ни с какими морфосинтаксическими типами, однако имеет значительный географический уклон (особенно типична для Австралии).

Грамматические типы и категории характеризуются разной степенью диахронической стабильности, причем стабильность может быть генетической и ареальной. Таблица 3 суммирует основные результаты Николос, связанные со стабильностью/изменчивостью.

	Генетическая стабильность	Ареальная стабильность
Ролевое оформление	+	-
Морфологическая сложность	+	+
Вершинное/зависимостное маркирование	+	+
Порядок слов	-	+
Повышение/понижение переходности	±	-
Наличие инициозива/эксклюзива	+	±
Наличие неотторжимой принадлежности	-	±
Наличие именных классов	+	±

Таблица 3. Грамматические типы и категории и их диахроническая стабильность (по Nichols 1992: 181)

По мнению Николос (как и очень многих современных лингвистов), сравнительно-исторический метод не в состоянии проникнуть на временнную глубину, превышающую 8-10 тысяч лет. Это всего лишь одна десятая периода времени, в течение которого существует вид *Homo sapiens* и человеческий язык (около 100 тысяч лет). Поэтому Николос пытается реконструировать древнейшую языковую историю на основе характеристик ареальной стабильности. Николос обнаруживает интересные структурные параллели между некоторыми ареалами, опираясь на статистические тесты определения сходства, большего чем случайное. Логический вывод и статистический анализ в этой части книги наиболее сложны, поэтому здесь возможно указать только достаточно сенсационный основной результат. Старый Свет представляет собой не ядро языковой звездочки, а периферийный ареал. Первое разделение языков отделяет Старый Свет от всех прочих, «тихоокеанских». Затем от этого единства отделяется Австралия, и наконец происходит разделение между Новым Светом и Новой Гвинеей. Тем самым, заселение Нового Света через Берингию связано не с жителями Сибири, а с жителями Тихоокеанского региона. (Этот вывод косвенно подтверждается впечатлением некоторых исследователей, что американские языки отличаются от «среднеевразийского стандарта» существенно сильнее, чем другие «экзотические» языки, такие как, например, караказские или африканские.)

Исследование географического распределения языкового разнообразия, согласно Николс, — необходимая предпосылка для реконструкции древнейшей языковой истории Земли и для содержательной типологии языков. Николс приводит данные о преобладающих грамматических типах и категориях для каждого из ареалов — см., например, географическое распределение наиболее частотных порядков слов в Таблице 4. Высокое структурное разнообразие обычно сочетается с высокой генетической плотностью (особенно в Тихоокеанском регионе и в Новом Свете). Николс описывает три типа диахронических изменений, влияющих на разнообразие языковой популяции: повышение разнообразия (Новый Свет), стабилизация (Европа, Центральная и южная Австралия), и вымирание языков (под влиянием новых волн колонизации). Результирующее языковое разнообразие в значительной степени является функцией географических факторов, в частности, размера территории.

Ареал	Наиболее частый порядок	Частота наиболее частого порядка (%)
Старый свет		
Африка	...V	47
Древний Ближний Восток	..V..	100
Европа и Кавказ	...V	40
Северная Азия	...V	82
Южная и Юго-восточная Азия	...V	50
Тихоокеанский регион		
Новая Гвинея	...V	93
Австралия	..V..	47
Океания	V...	40
Новый Свет		
Запад Северной Америки	...V	39
Восток Северной Америки	..V	100
Мезоамерика	V...	62
Южная Америка	...V	60

Таблица 4. Наиболее частые порядки слов в географических ареалах (по Nichols 1992: 245)

Опираясь на все полученные данные, Николс достаточно смело рисует картину языковой предыстории, то есть процесс заселения Земли человеком, разделенный на три этапа: первый, 100–60 тыс. лет назад, на африканской прародине; второй, 60–30 тыс. лет назад, в течение которого человек распространился на все континенты, формируя максимальное языковое разнообразие; третий, начавшийся в конце ледникового периода, сопровождался экспансиями некоторых языковых семей (в частности, индоевропейской), и одновременным уменьшением язы-

кового разнообразия. Лингвистические данные не дают основания считать, что более поздние языки являются в каком-то отношении более «развитыми» или сложными, чем более ранние. В этом смысле языковая эволюция не похожа на биологическую эволюцию видов.

Несомненно, книга Николс — одно из самых масштабных и фундаментальных достижений современной лингвистики. Отметим, что в книге содержатся 87 таблиц с количественными данными и база данных по 174 языкам; эта информация имеет самодостаточную ценность и может быть использована другими исследователями.

В одной из последних работ Николс (Nichols, Peterson 1996) критически обсуждается гипотеза Джозефа Гринберга (Greenberg 1987) о родстве почти всех языков Нового Света. Одно из основных свидетельств этого предполагаемого родства — п-образные маркеры 1-го лица и т-образные маркеры 2-го лица, часто встречающиеся в Америке. Николс и Питтерсон показывают, что эти характеристики свойственны лишь для части Америки, а также встречаются в Тихоокеанском регионе. По мнению авторов, языки типа п/т — наследники одной из сравнительно поздних волн колонизации Америки, для которой была особенно характерна береговая культура. Хотя эти языки разошлись слишком давно для того, чтобы считаться родственными в строгом смысле слова, их древнейшая связь подтверждается некоторыми другими фактами — языковыми и генетическими (типы ДНК митохондрий).

Хотя работа Николс стоит особняком по отношению к основным течениям американского функционализма, она несомненно должна быть отнесена к этому направлению. Правда, Николс дистанцируется от радикального грамматического функционализма и подчеркивает относительную автономность формы. Но самая суть ее работы полностью находится в русле функционалистской программы, просто объектом объяснения в данном случае является не та или иная грамматическая модель, а распределение грамматических моделей в языках мира.

4.3. Морфологические категории в синхронии и диахронии (Дж. Байби)

В данном разделе речь пойдет об одной из самых интересных (с нашей точки зрения) современных теорий морфологии, связанной с именем американской исследовательницы Джоан Байби (Хупер). Первые работы Байби касались в основном проблем фонологии и морфонологии; она выступала (наряду с Т. Веннеманом) в качестве одного из пионеров так называемой «естественной фонологии» (см. прежде всего Hooper 1976; ср. также Кедзасов, Кричкова 1981: 128 и сл.). Наибольшую известность, однако, получили ее работы в области как собственно морфологической теории (прежде всего, книга Вубес 1985; важнейшие положения этой работы в сжатом виде изложены

также в статье Bybee 1988b), так и диахронической типологии грамматических категорий глагола (наиболее крупной публикацией является написанная под руководством Байби совместная работа Bybee, Perkins, Pagliucca 1994, где Байби принадлежит большая часть текста; в настоящее время Байби с группой учеников и сотрудников продолжает активно работать в этом направлении).

Уже в ранних работах достаточно явственно обозначился пафос Байби как лингвиста, не приемлющего «формализацию ради формализации»; в «естественной фонологии» на смену абстрактным «глубинно-фонологическим» представлениям приходит типологически и диахронически мотивированные построения, и одной из основных задач лингвистической теории провозглашается объяснение того, почему конкретный фрагмент языка устроен так, а не иначе. В качестве объяснения чаще всего выступает апелляция к общим закономерностям устройства человеческой психики, активно используются данные психолингвистики, эксперименты с носителями языка, а также исторические объяснения. Все это в еще большей степени характерно, и для морфологического цикла работ Байби: диахроническая типология и психолингвистика наряду с постоянным поиском «объясняющей опоры». В том, как убежденно Байби отрицает «случайный» характер языковых фактов (даже в морфологии, традиционно считавшейся оплотом произвольного и идиосинкратичного), немало сходства с хорошо у нас известной Анной Всехбилкой; многие стороны теоретической концепции Байби близки к европейскому варианту «естественной морфологии», разрабатываемого В. У. Дресслером и его ближайшими сотрудниками.

Для понимания подхода Байби наиболее важно знакомство с положениями ее книги 1985 г. Это сравнительно небольшое изящное исследование с характерным названием «Морфология: исследование связи между значением и формой» можно считать одной из наиболее показательных работ новейшего периода лингвистики, своего рода символом и пограничной вехой ее «постструктуралистского» этапа. Работа Байби представляется тем более важной, что именно морфологическая теория была создана структурализмом в наиболее последовательном и завершенном виде, и именно морфологические факты (наряду с фонологическими) служили наиболее надежной опорой для структураллистских теорий языка как автономной системы значимых оппозиций, в которой регулярное («грамматическое») соседствует с нерегулярным («лексическим», «словарным»). Некоторые положения этой теории Байби с большой убедительностью и последовательностью разрушает.

В своей книге 1985 г. Байби подчеркивает, что ее основная задача — не создание дескриптивной модели морфологии в целом (или морфологических компонентов конкретных языков), а поиск когнитивно-

психологических объяснений для наблюдаемых в разных языках общих свойств морфологических систем. Основным объясняющим приемом Байби является апелляция к так называемой «шкале релевантности» морфологических категорий (о которой подробнее см. ниже); вводится также основыванное на психолингвистических экспериментах противопоставление «комплексной» и «аналитической» обработки языкового материала (*rote and rule processing*). Далее, провозглашается принципиальная взаимосвязанность между планом выражения и планом содержания (этот, быть может, самый революционный тезис Байби отражен и в подзаголовке книги): утверждается, что в морфологической структуре словоформы непосредственно *языковые* отражаются те семантические свойства входящих в нее морфем, которые связаны со шкалой релевантности.

Само же понятие релевантности определяется как степень изменения значения одной морфемы (прежде всего, корня) под воздействием значения другой морфемы (прежде всего, аффикса). Так, очевидно, что аспектуальные показатели сильно меняют значение глагольного корня, чем, например, показатели времени и тем более показатели лица/числа, семантическое влияние которых вообще близко к нулю. В соответствии с этим в языках мира более релевантные показатели, во-первых, расположаются ближе к корню, чем менее релевантные, и, во-вторых, обычно выражаются лексически или словоизменительно (менее релевантные показатели имеют тенденцию к словообразовательному или синтаксическому выражению). Описание морфонологических явлений (которого мы здесь подробно касаться не будем) строится в соответствии с той же моделью: в частности, доказывается, что более тесно связанные в парадигме формы меньше различаются в фонологическом отношении, супинтивизм возникает не произвольно, а только в особых точках грамматической системы, и т. п. (применяются, главным образом, факты глагольного словоизменения испанского и других романских языков).

Особенно важным является подход Байби к описанию противопоставления словообразования (*derivation*) и словоизменения (*inflection*). Как известно, в американской лингвистической традиции эта проблема далеко не всегда считалась важной; в ранних генеративных концепциях (например, у Халле) или в современных «лексикалистских» теориях морфологии (его теоретический статус вообще отрицается; у других авторов (как например, в известной концепции «расщепленной морфологии» Стивена Андерсона; см. Anderson 1982) это противопоставление трактуется как полярное и ставится в жесткую зависимость от «синтаксического» или «лексико-синтаксического» характера соответствующего показателя. Байби, опираясь на якобсоновскую идею объятельности грамматических значений (больше известную ей, судя по

цитатам, в рецепции Гринберга), провозглашает, однако, в отличие от всех названных выше подходов, градуальный характер противопоставления словообразовательных и словоизменительных значений: и те, и другие являются лишь разными точками, принадлежащими общему континууму на шкале релевантности. Релевантные и достаточно общие по своей природе значения становятся грамматикализованными, т. е. словоизменительными; релевантные, но недостаточно общие получают лексическое выражение; наконец, менее релевантные и менее общие имеют статус словообразовательных показателей. Таким образом, типичные словоизменительные категории помещаются в центре шкалы релевантности, где она еще достаточно велика, чтобы обеспечить тесную связь с основой слова, но еще не настолько возрастает, чтобы мешать всеобщности и порождать лексикализацию. В этой концепции есть, с нашей точки зрения, ряд уязвимых мест (например, типологически не всегда оправданное стремление рассматривать проблемы грамматики исключительно с морфологической точки зрения, оставляя практически полностью в стороне проблемы «эпиграфической грамматики» или «аналитических словоформ»), однако она привлекательна прежде всего отказом от жесткой механистичности предшествующих теорий и поиском принципиально новых объяснений.

Идеи Байби относительно противопоставления «комплексной» и «аналитической» обработки языкового материала заставляют пересмотреть другой важнейший постулат структуралистских (и многих наследовавших им) моделей языка: о наличии жесткой границы между так называемой «словарной» и «грамматической» информацией. Согласно Байби, носители языка одни языковые единицы действительно хранят в памяти в готовом виде, а другие — порождают в процессе речи, но то, что хранится в памяти — это отнюдь не элементы «словаря», а скорее совокупность наиболее релевантной информации. В частности, наиболее употребительные словоформы (даже построенные по регулярным моделям!) носителями языка, скорее всего, не членятся, а хранятся в памяти в готовом виде — и именно поэтому наиболее частотные формы и могут позволить себе быть также нерегулярными, супплетивными и т. п. Иными словами, разные элементы языковой системы дают очень неравномерную нагрузку на память: важную информацию человек предпочитает запоминать целиком, и лишь неважную — синтезировать.

Можно сказать, что основной пафос книги Байби — в обнаружении мотивированности морфологических явлений (прежде всего, относящихся к структуре словоформы) и доказательство (вообще говоря, успешное) того факта, что грамматическая форма не является независимой от значения.

В области методологического подхода Байби характеризуется следующими особенностями: изучаются только грамматические категории глагола, причем исследование проводится на базе «независимой выборки» из 50 языков мира. Техника формирования выборки подробно описана в Вуббе 1985; эта же выборка служит базой и для более поздних исследований Байби и ее сотрудников; в работе 1994 г. число языков доведено уже до 94. Выборка составлена так, чтобы исключить доминирование языков с генетически или архаично сходными характеристиками. При всей справедливости такого замысла, некоторые принципы отбора языков все же вызывают недоумение: иногда возникает впечатление, что Байби как бы намеренно выбирает наименее известные и/или наименее полно документированные языки, тем самым искусственно усложняя себе задачу. Почему, например, описание юкагирского языка проводится по работе Йохельсона 1905 (!) г.? Почему из всего доступного материала по славянским языкам для описания выбрана далеко не лучшая сербскохорватская грамматика Паргрица? Почему для описания фактов новогреческого языка используется (в книге 1994 г.) во многом экспериментальная и не самая полная грамматика Хаусхольдера и др. 1964 г., а не, например, обстоятельная новая грамматика Макрица 1987 г.? Таких вопросов можно задать множество (хотя следует признать, что в книге 1994 г. эмпирическая база заметно отличается в лучшую сторону). Тем удивительней тот факт, что выводы Байби практически не страдают от того, что ее исходный материал гораздо менее надежен, чем мог бы быть даже при современном состоянии описательной лингвистики.

Как мы уже отмечали выше, важной стороной исследования Байби является анализ диахронических изменений грамматических систем. Это направление особенно заметно в последних работах Байби, прежде всего в книге «Эволюция грамматики: Время, вид и модальность в языках мира» (Vubbe, Perkins, Pagliuca 1994). Мы изложим лишь самые основные наблюдения в области диахронической типологии глагольных категорий, принадлежащие, если можно так выразиться, «школе Байби» (помимо уже названных работ мы хотели бы указать еще статью Vubbe, Dahl 1989, где многие результаты «диахронического цикла» исследований по грамматическим категориям глагона изложены в компактной форме).

Теоретической основой для обобщений в этой области служит «теория грамматикализации», причем авторов интересует как формальный (или, как он называется в книге, «квантитивный») аспект этого явления, так и семантический: обсуждению механизмов семантических изменений в книге отводится немало места. Авторы эксплицитно подчеркивают антиструктуралистическую, «субстанциальную» направленность своего исследования: язык не является системой чистых

отношений, языковая система складывается из семантической субстанции и материальной субстанции; семантическая субстанция разных языков обнаруживает существенную общность, и лингвист должен изучать различные способы материального оформления этой субстанции, прежде всего — опираясь на данные исторической эволюции грамматических показателей (всегда возникающих, в конечном счете, из лексических элементов, при этом проходя возможные промежуточные стадии). Эта эволюция именуется грамматикализацией (*grammaticalization*); использование этого термина у Байби в целом совпадает с понятием «*grammaticalization*» в, пожалуй, несколько более известной у нас теории Лемана/Хайнс (Lehmann 1982, Heine, Claudi, Hüppelreuter 1991). Грамматикализация происходит по определенным общим законам, проявляющимся с удивительным постоянством в самых разных языках. Грамматикализации, как правило, подвергаются сходные лексические элементы (например, глаголы движения), она происходит только в одном направлении (и при этом проходит одни и те же или сходные этапы) и сопровождается семантической и фонологической редукцией грамматического показателя. Зная факты, характеризующие определенное синхронное состояние языковой системы, лингвист может — на основании общих закономерностей грамматикализации — делать весьма вероятные предположения как о прошлом, так и о будущем состоянии этой системы.

В книге подробно исследованы следующие типы грамматикационных процессов: возникновение и последующая эволюция перфекта (*anterior*), имперфектива (*imperfective* — форма со значением длительности/незавершенности) и итератива, а также различных форм, выражающих наклонение и модальность. Результатом исследования является множество интереснейших диахронических обобщений, а также более точная адекватная синхронная классификация глагольных категорий (с учетом их происхождения и возможной эволюции). Так, утверждается, что перфект (*anterior*) может возникать на базе результатива или компонента и эволюционировать в направлении чисто эвиденциальных показателей или показателей простого прошедшего времени аористного типа; предлагаются различать 5 этапов этого процесса, характеризуемых, соответственно, как «молодой перфект», «старый перфект», и т. п. С другой стороны, имперфектив и презенс возникают, как правило, на базе семантически более ограниченного прогрессива, имеющего, в свою очередь, определенные лексические источники; другим возможным источником имперфектива (словообразовательным) являются редуплицированные глагольные формы с первоначальным итеративным и/или хабитуальным значением. Что касается модальных форм, то Байби (опираясь также на свою работу 1985 г. и другие исследования) предлагает различать четыре основных типа модально-

стий: «агентивные» (*agent-oriented*: необходимость, способность/возможность, желание), «субъективные» (*speaker-oriented*: императив, оптатив и другие «экспрессивные» формы), эпистемические (выражающие различные степени [не]достоверности ситуации) и, наконец, модальности, выражающие синтаксически подчиненный характер пропозиций. Диахронически, модальные значения, названные первыми, предшествуют последним, которые тем самым могут рассматриваться как более грамматикализованные. Для теории грамматических систем очень важна также связь модальности с будущим временем: Байби посвящает этой проблеме отдельную главу, причем специально доказывает, что формы будущего времени не образуют симметричной оппозиции по отношению к формам настоящего и прошедшего времени — это особая грамматосма, которая, в частности, формируется на базе совершенно иных диахронических источников и, может быть, даже не должна считаться «временем» в собственном смысле.

С нашей точки зрения, в изучении таких категорий, как перфект, будущее время или наклонение, Байби удалось получить очень интересные и нетривиальные результаты (а классификация наклонений Байби является, пожалуй, ее самым оригинальным вкладом в грамматическую типологию); в целом исследования школы Байби (впервые после известных работ Эстена Даля, см. Dahl 1985), устранив излишне категоричное противопоставление синхронии и диахронии, выводят грамматическую типологию на новый уровень обобщений.

5. Дискурсивно-ориентированные исследования

5.0. Дискурс и возникновение функционализма

Дискурс — более широкое понятие, чем текст. Дискурс — это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст). Ориентация на изучение дискурса — это фундаментальная характеристика современного функционализма, отличающая его и от многих других современных направлений лингвистики, и от предшествующих лингвистических школ.

Дискурсивные явления, рассматриваемые в настоящем разделе, находятся за пределами интересов (а также возможностей) генеративной лингвистики. (Здесь можно оговориться, что в современной генеративной лингвистике предпринимаются попытки интегрировать отдельные дискурсивные понятия в модель грамматики. Однако трудно представить, чтобы генеративная грамматика моделировала языковые единицы, большие, чем предложение.)

Возникновение лингвистического функционализма (в современном понимании) в 1970-е гг. было неразрывно связано с новым интересом к дискурсу — процессам построения и понимания естественного текс-

та. Дискурс может рассматриваться с самых разных точек зрения — социологической (Sacks, Schegloff, Jefferson 1974), этнографической (Hymes 1996), психологической (Kintsch 1988, Gernsbacher 1990) и т. д.; см. четырехтомный справочник Dijk 1985, а также Dijk (in press). С исторической точки зрения, дискурсивно-ориентированный функционализм — результат интереса к дискурсу со стороны грамматиков. В 1970-е гг. целый ряд лингвистов, не удовлетворенных генеративизмом, начали искать дискурсивные объяснения грамматических явлений. В первую очередь надо упомянуть такие имена, как Уоллас Чейф (Чейф 1976/1982), Пол Хоппер, Сандра Томпсон (Hopper, Thompson 1980), Т. Гивон (Givón 1979a).

Основная причина, по которой дискурсивный анализ играет центральную роль в функциональной лингвистике, состоит в следующем. Функционализм занят поиском объяснений наблюдаемой языковой формы. Функционалисты исходят из предположения, что форма в значительной степени формируется и объясняется функционированием в реальном времени (так же, как анатомия — физиологии, геологические структуры — тектоническими процессами и т. п.). Функционирование языка в реальном времени — это и есть дискурс. Таким образом, подход функционалистов противоположен утверждениям Хомского о том, что между компетенцией и употреблением есть непроходимая граница, и о том, что языковая структура формируется врожденной языковой способностью. В некоторых случаях функционалисты высказывают особенно радикальные предложения об отождествлении между дискурсом и грамматикой. Так, в концепции «рождающейся грамматики» (*emergent grammar*) Пола Хоппера (Hopper 1987) грамматика фактически сводится к повторяющимся дискурсивным моделям. Но в большинстве случаев функционалисты признают существование относительно автономной грамматики.

Дискурсивные явления изучаются в лингвистике в двух основных аспектах. Во-первых, дискурс может исследоваться как таковой, в том числе как структурный объект. Один из подходов такого рода (Теория риторической структуры У. Манна и С. Томпсон) обсуждается в параграфе 5.1. Во-вторых, дискурс может интересовать лингвистов не сам по себе, а как центральный фактор, влияющий на морфосинтаксические явления. Например, порядок слов в предложениях (внутрисентенциальное явление) может быть объяснено на основе дискурсивных факторов, лежащих за пределами данного предложения. (Подобным образом именной падеж — это морфологическая категория, которая не может быть объяснена в рамках именной словоформы, а только посредством апелляции к синтаксической структуре.) Подходы, фокусирующиеся на влиянии дискурса на морфосинтаксис, обсуждаются в параграфах 5.2 и 5.4 (работы Т. Гивона и Р. Томлина). Работы У. Чейфа

(параграф 5.3) и работы о грамматике бытового диалога (параграф 5.5) относятся к обеим категориям одновременно.

5.1. Дискурс как структура (У. Манн и С. Томпсон)

Как и любое естественное явление, дискурс имеет структуру. В 1980-е гг. Уильямом Манном и Сандой Томпсон была разработана так называемая Теория риторической структуры (Rhetorical Structure Theory), предлагающая весьма интересную и многообещающую модель структуры дискурса (Mann, Thompson 1986, 1988). Нижеследующее изложение основано на последней по времени работе Mann, Matthiessen, Thompson 1992.

Теория риторической структуры (ТРС) основана на предпосылке о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи называются риторическими отношениями. Термин «риторические» не имеет принципиального значения, а лишь указывает на то, что каждая единица дискурса существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной цели. Единицы дискурса, вступающие в риторические отношения, могут быть самого различного объема — от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы). Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются один и те же риторические отношения.

Набор риторических отношений ограничен, хотя и неопределен окончательно. Авторы предлагают рабочий список из 24 отношений — см. Таблицу 5.

Асимметричные отношения:		
Свидетельство	Обоснование	Антитезис
Уступка	Обстоятельство	Побудительная причина
Развитие (детализация)	Фон	Обеспечение возможности
Мотивация	Волитивная причина	Неволитивная причина
Волитивный результат	Неволитивный результат	Цель
Условие	Альтернатива	Интерпретация
Оценка	Переформулировка	Резюме

Симметричные отношения:		
Последовательность	Противопоставление	Конъюнкция

Таблица 5. Инвентарь риторических отношений
(по Mann, Matthiessen, Thompson 1992: 52)

Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра либо сателлита. Большая часть отношений асимметрична и бинарна и содержит ядро и сателлит. Другие отношения, симметричные и не обязательно бинарные, соединяют ядра.

В ТРС разработан формализм, позволяющий представлять дискурс в виде сетей дискурсивных единиц и риторических отношений. На Рис. 12 показано, как в ТРС представляется асимметричное отношение *evidence* (свидетельство).

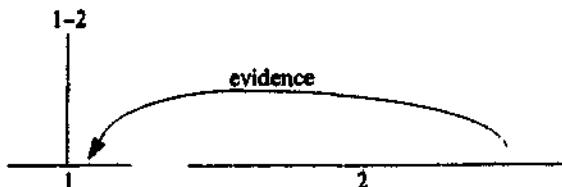

Рис. 12. Представление отношения «свидетельство» в ТРС
(по Mann, Matthiessen, Thompson 1992: 49)

Каждая горизонтальная черта соответствует конкретной дискурсивной единице. Номер под горизонтальной чертой — это идентификация единицы в дискурсе. Ядро помечается вертикальной чертой, над которой указываются номера единиц, участвующих в данном риторическом отношении. Стрелка в отношениях типа «ядро-сателлит» выходит из сателлита и входит в ядро (т. е. направление стрелок обратно тому, которое привычно для русских грамматик зависимостей). Пример на отношение «свидетельство»:

- (2) 1 Эта программа очень хорошо работает.
- 2 Она позволила мне выполнить вычисления за считанные секунды.

На Рис. 13 показано, как в ТРС изображаются отношения типа «ядро-ядро» (отношение *sequence* — последовательность):

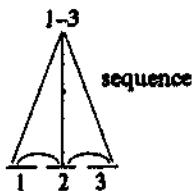

Рис. 13. Представление отношения «последовательность» в ТРС
(по Mann, Matthiessen, Thompson 1992)

Пример на отношение «последовательность»:

- (3) 1 Петр вошел в дом,
- 2 достал бутылку
- 3 и выпил.

Нетрудно заметить, что два класса риторических отношений (см. Таблицу 5) напоминают противопоставление между подчинением и сочинением, а список риторических отношений типа «ядро-сателлит» весьма похож на традиционный список типов обстоятельственных

придаточных. Это неудивительно — фактически ТРС распространяет типологию семантико-синтаксических отношений между клаузами на отношения в дискурсе. Для ТРС несущественно, выражено ли данное отношение союзом соответствующей семантики, или запятой, или же оно соединяет независимые предложения или группы предложений.

Сочиненные клаузы и обстоятельственные придаточные выступают в ТРС в качестве отдельных элементарных единиц, а дополнительные и относительные придаточные — обычно нет.

Риторическим отношениям в ТРС даются определения, состоящие из двух зон. В первой зоне указываются ограничения, связанные с данным отношением. Так, для отношения «свидетельство» имеются: (а) ограничение на ядро: адресат не убежден в информации, содержащейся в ядре; (б) ограничение на сателлит: адресат, вероятно, должен найти информацию, содержащуюся в сателлите, достоверной; (в) ограничение на комбинацию ядра и сателлита: если адресат поймет информацию, содержащуюся в сателлите, это заставит его поверить в информацию, содержащуюся в ядре.

Во второй зоне указывается эффект данного риторического отношения. Для отношения «свидетельство» этот эффект состоит в том, что убежденность адресата в информации, содержащейся в ядре, возрастает.

Приведем развернутый пример, показывающий, как устроены графы риторических структур. Как и вся книга Mann, Thompson 1992, статья Mann, Matthiessen, Thompson 1992 посвящена анализу одного текста — воззвания о пожертвованиях, распространенного общественной организацией под названием Zero Population Growth (ZPG), борющейся против роста населения. В примере (4) приводится чуть сокращенный русский перевод начального фрагмента этого текста, с разбиением на минимальные дискурсивные единицы. Номера единиц указаны в начале каждой строки. Каждому предложению соответствует порядковый номер; единицы, состоящие из частей предложений, нумеруются при помощи букв.

- (4) 4 В 7 часов утра 25 октября наши телефоны начали звонить.
- 5 Звонки переполняли наш коммутатор весь день.
- 6 (6A) Сотрудники остались на работе допоздна,
- 6 (6B) отвечая на вопросы
- 6 (6C) и разговаривая с репортерами изо всех частей страны.
- 7 (7A) Публикуя результаты ZPG-85 (Исследование городских стрессов),
- 7 (7B) мы не представили себе, что получим столь массовый отклик.
- 8 Реакция прессы и публики была буквально невероятной.
- 9 Вначале поток звонков шел в основном от репортеров, а также официальных лиц, разъяснявших, что мы привлекли внимание к положению дел в их городах.

10

Теперь же мы получаем звонки от обеспокоенных граждан, спрашивающих, как заставить чиновников взяться за разрешение демографических проблем.

На рисунке (14) приведен фрагмент графа риторической структуры, соответствующий фрагменту текста (4).

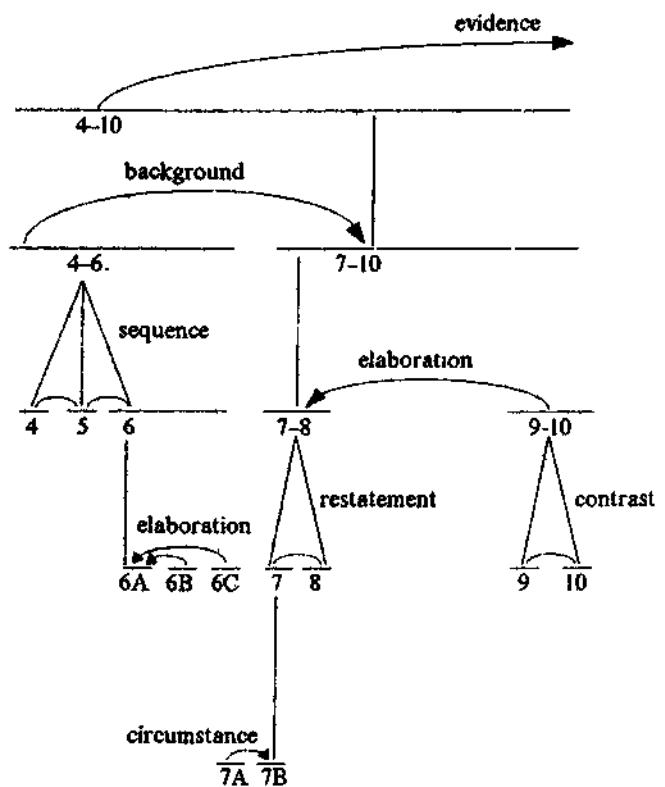

Рис. 14. Фрагмент графа риторической структуры
(по Mann, Matthiessen, Thompson 1992: 54)

Основное членение в отрывке 4-10 — между блоками 4-6 и 7-10. Информация, сообщаемая в 4-6, представляет собой фон для информации в 7-10. Блок 4-6 представляет собой последовательность трех единиц — 4, 5 и 6, причем последняя имеет внутреннюю структуру: единицы 6B и 6C каждая детализируют то, что сообщается в 6A. Блок 7-10 членится на блоки 7-8 и 9-10. Информация в 9-10 детализирует то, что сказано в 7-8. Внутри блока 7-8 единица 8 переформулирует то, что сообщено в 7. Единица 7 имеет внутреннюю структуру и состоит из двух частей, связанных отношением «обстоятельство». Блок 9-10 содержит отношение «противопоставление».

Следует еще раз подчеркнуть, что риторические отношения не зависят от того, какого уровня единицы они соединяют. Так, элементарная единица 6B — это детализация для элементарной единицы 6A; то же отношение «детализация» имеет место между блоками 9-10 и 7-8. Весь отрывок 4-10 представляет собой свидетельство (evidence) для следующего большого фрагмента, в котором говорится о том, что Исследование городских стрессов чрезвычайно важно для общественности, но у ZPG не хватает ресурсов для его продолжения.

Авторы TPC специально подчеркивают возможность альтернативных трактовок одного и того же текста. Иначе говоря, для одного и того же текста может быть построен более чем один граф риторической структуры, и это не рассматривается как дефект данного подхода. Действительно, попытки применения TPC к анализу реальных текстов сразу демонстрируют множественность решений. Тем не менее, эта множественность очень ограничена. К тому же, принципиальная возможность различных трактовок не противоречит реальным процессам использования языка, а, напротив, вполне им соответствует.

Существует ряд весомых подтверждений того, что TPC в значительной степени моделирует реальность и представляет собой важный шаг в понимании того, как дискурс устроен «на самом деле». Во-первых, сами авторы работы Mann, Matthiessen, Thompson 1992 проводят процедуру построения резюме (реферата, краткого варианта) текста на основе графа риторической структуры. По определенным правилам многие сателлиты в риторических парах могут быть опущены, а результирующий текст остается связным и вполне представительным по отношению к исходному тексту.

Во-вторых, в очень важной работе Барбары Фокс (Fox 1987) об анафоре в английском дискурсе было показано, что выбор референциального средства (местоимение/полная ИГ) зависит от риторической структуры. Расстояние между референциальным средством и антецедентом в риторическом графе — более объяснительное измерение, чем линейное расстояние, предлагавшееся, в частности, Т. Гивоном (см. параграф 5.2 ниже).

5.2. Грамматика, дискурс и когнитивная система (Т. Гивон)

Т. Гивон является одним из родоначальников дискурсивно-ориентированного подхода к синтаксису. Этот подход был сформулирован в книге «О понимании грамматики» (Givón 1979a) и в статьях сборника «Дискурсивные подходы к синтаксису» (Givón 1979b). Вскоре была опубликована монография «Непрерывность топика в дискурсе: квантитивное типологическое исследование» (Givón 1983), сформировавшая совершенно новую традицию исследования таких явлений, как референция, порядок слов, топикализация и т. д.

Эта монография состояла из статей по разным языкам, написанных в рамках единой модели, разработанной Гивоном. Подход 1983 года базировался на двух идеях — теоретической и методологической. Теоретическая идея состояла в том, что языковая форма иконически кодирует содержание. В частности, в области референции: чем более ожидаем, предсказуем данный референт, тем меньше усилий требуется для его «обработки», и тем меньше формального материала затрачивается на его кодировании. Методологическая идея состояла в том, что предсказуемость референта (*«непрерывность топика»*) может быть количественно измерена. Гивоном было предложено несколько количественных измерений, среди которых наиболее широко используется *«референциальное расстояние»* от данной точки дискурса назад до ближайшего предшествующего упоминания референта; чем меньше расстояние, тем непрерывнее топик. В терминах этой модели было выполнено множество работ по самым различным языкам и языковым феноменам; ср. ниже раздел 8.

Тем не менее, работы Гивона отнюдь не ограничиваются проблематикой референции и непрерывности топика. Напротив, Гивон — один из самых «широких» современных лингвистов. В масштабном двухтомном труде *«Синтаксис: функционально-типовическое введение»* (Givón 1984–1990) Гивон попытался создать глобальную функционалистскую альтернативу генеративному синтаксису. Тематика этого труда настолько разнообразна, что никакой обзор не в состоянии его объять. Наиболее разумно воспроизвести здесь краткое оглавление *«Синтаксиса»* (подробное оглавление занимает 30 страниц).

1. Введение
2. Методологические предпосылки: коммуникативная функция и синтаксическая структура
3. Классы слов
4. Простое предложение: предикация и падежные роли
5. Типология падежного маркирования: подлежащее, дополнение, переходность
6. Типология порядка слов
7. Теоретико-информационные предпосылки дискурсивной прагматики
8. Время-вид-модальность
9. Отрицание
10. Местоимения и грамматическое согласование
11. Определенность и референтность
12. Именные группы
13. Сентенциальные дополнения
14. Залог и дейтранзитивизация
15. Относительные придаточные

16. Конструкции с контрастивным фокусом
17. Конструкции с маркированным топиком
18. Неповествовательные (non-declarative) речевые акты
19. Межпредикативные связи (intercausal coherence)
20. Грамматика референциальной связности: когнитивная перентерпретация
21. Маркированность и иконизм в синтаксисе

Вряд ли есть хоть какая-то существенная грамматическая проблема, не затронутая в этом труде. Двухтомный *«Синтаксис»* Гивона — одновременно и итог многолетней работы функционалистов, и исследовательская программа на будущее; и справочное пособие по любой синтаксической проблеме, и собрание новаторских интерпретаций; и ликбез для начинающих лингвистов, и полет теоретической мысли; и ряд кратких частных очерков по отдельным языкам, и совокупность глобальных обобщений.

Базовая идея, лежащая в основе концепции Гивона, состоит в следующем: грамматика — это набор инструкций по ментальной обработке дискурса, которые говорящий дает слушающему. Это когнитивная вариация общего функционалистского тезиса о том, что грамматика подчинена коммуникативным процессам. Очень важную роль для Гивона играет тезис об иконичности языковой структуры. В области методологии большое внимание уделяется количественным измерениям дискурса, призванным объяснить «распределение грамматики в дискурсе».

Проблематика референциальной связности, которая рассматривается во многих частях книги, но в особенности в главе 20, подвергнута «когнитивной перентерпретации» по сравнению с версией 1983 года. Это проявляется и в обильном цитировании когнитивно-психологической литературы, и в некоторых концептуальных изменениях. Абстрактные понятия *«непрерывности топика»* и *«тематической важности»* уступают место когнитивным понятиям *«активации внимания»* и *«поиска в памяти»*, впрочем, не всегда вполне понятным.

По прошествии всего лишь пяти лет со времени публикации второго тома *«Синтаксиса»* Гивон выпустил новую объемную книгу, в которой многие старые проблемы передуманы заново. Это *«Функционализм и грамматика»* (Givón 1995). Основной пафос этой книги — самокритика функционализма, уточнение методологии, некоторый откат от слишком радикального функционализма. Главы книги связаны между собой не тематически, а именно этим пафосом.

Ниже приводится краткое оглавление книги (подробное занимает 10 страниц), причем после заголовка каждой главы в скобках следует ее резюме.

Предисловие (функционализм должен отказаться от упрощенных постулатов, таких как: грамматика на 100% мотивирована и иконична; категории на 100% недискретны; значение на 100% метафорично; и т. п.).

1. Несколько желчный проспект (функционализм должен из веры стать наукой; осознать реальность языковой структуры; решить сложную проблему дискретности/традиальности; научиться взаимодействию с когнитивной психологией и нейрофизиологией; уточнить свою методологию — использование интуиции, индукции, дедукции, количественных методов).
2. Маркированность как мета-иконизм: дистрибутивные и когнитивные корреляты синтаксической структуры (о точки зрения маркированности обсуждаются такие измерения, как: тип текста; главная/подчиненная клауз; речевой акт; залог; падежная роль; определенность; референтность; вид и др.; то, что маркировано структурно, обычно оказывается и когнитивно сложнее, однако сверхупрощение опасно, так как структура иногда относительно автономна).
3. Функциональная основа грамматической типологии (между функциональной и типологической ориентацией имеется явная корреляция; глава фактически посвящена исследованию семейства категорий, связанных с переходностью, — особенно явления инверсии, типология которого была намечена в сборнике Givón 1994).
4. Модальные прототипы истины и действия (в духе предшествующей главы обсуждаются разные значения, связанные с модальностью).
5. Структура, воспринимаемая всерьез I: составляющие и узел VP (обсуждается «синдром отрицания грамматики», характерный для многих функционалистов, и априорная аксиоматика генеративной грамматики; приводятся типологические аргументы за и против существования глагольной группы; как и другие категории, VP может быть адекватно описана только на основе прототипического подхода).
6. Структура, воспринимаемая всерьез II: грамматические отношения (грамматические отношения не могут отрицаться на основании того, что они коррелируют с pragматической категорией — топикальностью; грамматические отношения и эргативность; грамматические отношения могут быть в разной степени грамматикализованы в языке; более универсальны те параметры грамматических отношений, которые теснее связаны с топикальностью).
7. Распределение грамматики в тексте: об интерпретации условных ассоциаций (методологические проблемы, связанные с неабсолютным характером корреляции между структурными моделями и дискурсивными контекстами).
8. В поисках взаимопонимания с когнитивной наукой: связность текста vs. связность мысли (еще более последовательно-когнитивная переинтерпретация связности, в том числе референциальной; см. ниже)
9. О параллельной эволюции языка, интеллекта и мозга (излагаются некоторые гипотезы о возникновении языка, в связи с данными нейрофизиологии; жест и вокальный сигнал).

Для нового подхода Гивона к проблемам связности (глава 8) характерны: больший интерес к связности мыслительной, нежели текстовой; признание приоритета устного языка как первоочередного объекта исследования; еще большее, чем раньше, внимание к данным когнитивной психологии. Среди видов связности наибольшее внимание уделяется референциальной связности (другие виды: пространственная, временная, аспектуальная, модальная и событийная). Когнитивная модель референциальной связности различает два вида операций: активация внимания (проспективная, для адаптации новой информации) и поиск в памяти (ретроспективный, для нахождения референтов). Типология возможных дискурсивных ситуаций такова:

- (а) продолжение активации референта, активного в данный момент
- (б) прекращение активации референта
- (в) активация референта, не являющегося сейчас активным:
 - [1] либо нового (неопределенного) референта
 - [2] либо уже имеющегося в памяти (определенного) референта.

Гивон характеризует каждый выбор с точки зрения маркированности. Так, сохранение текущей активации немаркировано, а активация нового референта — маркирована. Гивон предлагает систему грамматически сигнализируемых ментальных операций слушающего, действующих в сфере референциальной связности, например:

- (а) если имеет место нулевая анафора или безударное местоимение, сохраняя текущую активацию
 - (б) если имеет место полная именная группа, определи тематическую важность референта
 - (в) если референт не является важным, сохраняя текущую активацию
 - (г) если референт является важным, отменяя текущую активацию
- и т. д.

Свою новую работу Гивон рассматривает как продвижение от узко-лингвистического исследования текста к более широкому исследованию интеллекта.

Гивон, вероятно, самый универсальный и самый популярный современный функционалист. Хотя он ни в коей мере не является таким верховным гуру, как Хомский, он имеет большее количество прямых последователей, чем любой другой из американских функционалистов.

5.3. Дискурс и сознание (У. Чейф)

Работа Уолласа Чейфа хорошо известна в нашей стране в основном по книге «Значение и структура языка» (Чейф 1971/1975), посвященной (вполне в духе рубежа 60-х – начала 70-х годов) значимости

семантики для понимания грамматики. Известная статья о категориях данного, определенного, подлежащего, топика и др. (Чейф 1976/1982) стоит уже гораздо ближе к тем вопросам, которым этот ученый занимается в настоящее время — вопросам устройства естественного дискурса и его связи с сознанием.

Книга «Дискурс, сознание и время. Текущий и отстраненный сознательный опыт при речи и письме» (Chafe 1994) — главная работа Чейфа — довольно подробно обсуждалась в обзоре Кибрик 1994, поэтому здесь будут упомянуты лишь основные идеи концепции Чейфа.

В отличие от работы Гивона, которая представляет собой центральное направление современного функционализма, работа Чейфа, по его собственному признанию, не находится в русле никакого признанного направления (*«is not in the mainstream of anything»*, Chafe 1994). Чейф, несомненно, крупнейшая фигура и живой классик современной лингвистики, но, подобно Сепиру, он не обзавелся группой прямых последователей.

Работа Чейфа посвящена исследованию языка и сознания. По его мнению, две эти сферы не могут быть поняты по отдельности. В то же время, обе дисциплины, изучающие сознание и язык — психология и лингвистика — в их современном состоянии получают крайне критическую оценку Чейфа, и он резко дистанцируется от доминирующих направлений в обеих науках — экспериментальной психологии и генеративной грамматики. В связи с этим, Чейф формулирует две методологические идеи, определяющие многое в его подходе.

Во-первых, в противоположность когнитивно-психологической практике признавать только публично верифицируемые данные, Чейф декларирует право исследователя опираться на интроспекцию как на законный источник информации о когнитивных процессах. Язык представляет собой мощный инструмент проверки наших интроспективных гипотез.

Во-вторых, в противоположность и психологической, и лингвистической практике, Чейф настаивает на приоритете естественных данных перед искусственными (экспериментальными или сконструированными). Хотя искусственные данные могут быть полезны, основывать целые научные направления только на них непродуктивно. Работа Чейфа генетически связана с этнографической традицией, для которой характерна ориентация на эмпирические данные.

Чейф исследует две основные проблемы. Первая — это объяснение языковых явлений на основе процессов, происходящих в сознании. Сознание может быть непосредственным (отражение того, что происходит здесь и сейчас) и отстраненным (displaced; воспоминание или воображение). Непосредственное сознание более базисно и устроено проще, чем отстраненное. Вторая основная проблема — сопоставление устного и письменного языка. Разумеется, исходной и более универсальной формой языка является устная, несмотря на то, что лингвисты боль-

шую часть своих усилий до сих пор направляли на письменный язык. Поэтому все типы явлений, рассматриваемых в книге Чейфа, вначале исследуются на материале бытового разговорного языка и непосредственного режима сознания.

Главное понятие структуры дискурса, по Чейфу — интонационная единица, то есть квант дискурса, соответствующий одному фокусу сознания. В каждой интонационной единице обычно представлен один элемент новой информации. Противопоставление данного/доступного/нового ответственно за просодическую (ударное/бездарное) и лексическую (местоимение/имя) реализацию референтов. Такой фундаментальный для английского языка феномен, как подлежащее, объясняется на основе понятия исходного пункта интонационной единицы. Формулируется важное обобщение «легкого подлежащего»: подлежащее может быть новым лишь в очень специфических условиях. На основе понятия доступной информации (статус, промежуточный между данным и новым) определяется понятие топика дискурса. Топик, в свою очередь, — основа для нового определения предложения, которое оказывается значительно более комплексным и производным понятием, чем во многих других теориях. (Подробнее см. Кибрик 1994.)

Чейф также обсуждает различные модификации, связанные с письменным каналом языкового взаимодействия, с одной стороны, и с отстраненным режимом сознания, с другой. В частности, рассматриваются различия между прозой от первого лица, прозой от третьего лица, и цитируемой речью. Эта часть книги находится на границе между лингвистикой и литературоведением.

Работа Чейфа представляет собой движение в сторону интеграции усилий различных дисциплин, исследующих человеческую природу. Это движение типично для современной функциональной лингвистики.

Чейфа можно характеризовать как самого последовательного и самого независимого мыслителя среди функционалистов. Действительно, разрабатываемые им на каждом этапе модели оказываются удивительно связанными, целостными и оригинальными.

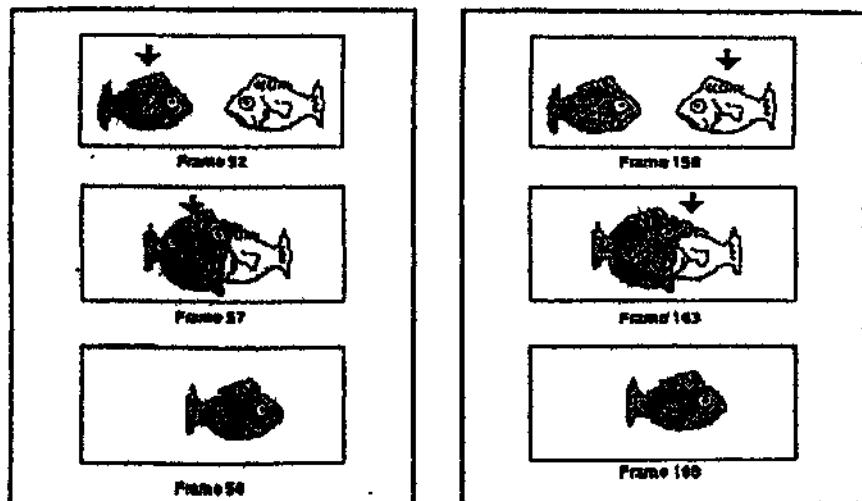
5.4. Дискурсивные выборы как производные когнитивных состояний (Р. Томлин)

По крайней мере две работы Расселла Томлина ранее подробно анализировались в наших предшествующих публикациях: книга «Базовый порядок слов: Функциональные принципы» (Tomlin 1986) — в рецензии Кибрик 1990, и важная статья «Фокусное внимание, залог и порядок слов: экспериментально-типологическое исследование» (Tomlin 1995) — в обзоре Кибрик 1994. Поэтому здесь мы ограничимся только краткими замечаниями о работах этого интересного лингвиста.

Томлин исследует классические «информационные» категории, в первую очередь тему (топик) и данное/новое. Он предлагает ради-

кально персинтерпретировать эти теоретически неясные понятия в когнитивных терминах, опираясь на факты, независимо установленные в когнитивной психологии (которую он знает значительно лучше, чем большинство лингвистов). В частности, Томлин предлагает заменить понятие темы (тотика) на фокусное внимание, а понятие данного на активированное в памяти (ср. аналогичную гипотезу Чейфа). Далее, экспериментально манипулируя состояниями внимания и памяти говорящего, можно проверить, как эти когнитивные характеристики реализуются в грамматической структуре.

В самой, пожалуй, важной своей работе (Tomlin 1995) Томлин описывает изощренную экспериментальную методику, которая была создана для выяснения когнитивных оснований грамматических выборов, совершаемых говорящим. Томлин создал мультфильм, состоящий из серии эпизодов, в каждом из которых две рыбы плывут навстречу друг другу, а потом одна из них съедает другую. Испытуемые, описывавшие акт съедания в реальном времени, последовательно кодируют рыбу, на которой экспериментатор фокусирует их внимание, посредством подлежащего (в английском и в ряде других языков), причем залог соответствующего предиката оказывается активным или пассивным в зависимости от того, была ли эта рыба агентом или пациентом в акте съедания, см. Рис. 15. (Подробнее см. Киблик 1994.) Значение феномена внимания для лингвистики более детально обсуждается в работах Tomlin, Villa 1994 и Tomlin, Forrest, Ru, Kim in press.

Внимание фокусируется на агенте

Внимание фокусируется на пациенте

Рис. 15. Кадры из «рыбного мультильма» Р. Томлина (Tomlin 1995: 529)

В другой работе (Tomlin, Ru 1991) описывается экспериментальное манипулирование активной памятью говорящего, строящего дискурс на китайском языке. Референты, которые испытуемый считает активированными для адресата, кодируются местоименными ИГ, а те, которые не активированы — полными ИГ. Следует отметить, что экспериментальные работы Томлина снабжены статистическим аппаратом, позволяющим установить неслучайность обнаруженных закономерностей.

В серии последних работ (особенно Tomlin in press) Томлин заявил о более обширной исследовательской программе, которую он называет когнитивной функциональной грамматикой. Эта еще не созданная грамматика — теория отображения (mapping) когнитивных функций на грамматическую структуру. Компоненты когнитивной функциональной грамматики — модель представления событий и их отображения на языковую структуру, модель когнитивной системы говорящего и методология экспериментальной верификации каузальных связей между когнитивными и языковыми явлениями.

Томлина можно назвать самым необычным функционалистом. Для его работ характерно уникальное сочетание теоретического инноваторства с тщательным проведением психолингвистических экспериментов.

5.5. Грамматика и взаимодействие (С. Томпсон, Е. Фокс, С. Форд)

Современные дискурсивные исследования имеют одну яркую особенность: преобладающую ориентацию на такой тип дискурса, как устный бытовой диалог. Ясно, что эта форма языка является наиболее фундаментальной, и из этого многие исследователи делают вывод, что начинать изучение языка, собственно говоря, надо именно с нее. Когда лингвисты обращаются к устному разговорному языку, оказывается, что очень многие категории, выработанные исследователями языка на протяжении столетий, являются принадлежностью не языка вообще, а письменного кодифицированного языка.

Ясно, что изучать даже устный язык, не зафиксировав его, невозможно. Поэтому двумя предпосылками анализа бытового диалога являются, во-первых, его аудио- или видеозапись, и, во-вторых, система транскрибирования. Последняя область деятельности приобрела большое значение — см., например, DuBois et al. 1993.

Акцент на изучении устного бытового диалога характерен, в частности, для работ Чейфа, рассмотренных выше. Очень большое число работ по устному диалогу выполнено Сандрий Томпсон и ее сотрудниками и учениками (другое направление исследований Томпсон обсуждалось выше в параграфе 5.1). В этих работах исследовалась в совер-

шенно новой перспективе такие традиционные проблемы английской грамматики, как свойства прилагательного (Thompson 1988), относительный оборот (Fox, Thompson 1990), конструкции с комплементайзером *that* (Thompson, Mulac 1991), предикатные имена (Ono, Thompson 1994) и другие.

В последнее время Сандра Томпсон пытается объединить лингвистический анализ с другим подходом к исследованию дискурса — так называемым Анализом бытового диалога, или «конверсационным анализом» (Conversation Analysis). Это направление получило известность после появления статьи Sacks, Schegloff, Jefferson 1974.

Характерная черта Анализа бытового диалога — полный отказ от априорных теоретических конструкций, сугубый эмпиризм, уверенность, что непредвзято исследуемые данные сами подскажут аналитику, какие модели употребления являются основными. В Анализе бытового диалога наиболее активно изучаются такие явления, как: чередование реплик в диалоге; стандартное «спаривание» реплик (таких, как вопрос — ответ, предложение — принятие предложения и т. п.); коррекция сказанного ранее участником диалога и др. Анализ бытового диалога, первоначально часть социологии, стал со временем весьма популярен среди лингвистов, и некоторые функционалисты приняли его как методологический подход. Одной из первых работ такого типа была книга Барбары Фокс (Fox 1987), уже упоминавшаяся в другой связи. В этой книге Фокс объясняет правила анафоры в устном английском на основе принципов, выработанных в рамках Анализа бытового диалога.

Необходимо отметить книгу Сесилии Форд «Грамматика во взаимодействии» (Ford 1993), в которой исследуются принципы употребления обстоятельственных придаточных (*adverbial clauses*) — в первую очередь, временных, условных и причинных — в разговорном дискурсе. Форд противопоставляет расположение придаточных перед главным предложением и после него, причем в последнем случае различается непрерывная и завершающая интонация в главном предложении. Опираясь на методологию Анализа бытового диалога, Форд объясняет функциональные различия между этими тремя типами. В частности, препозитивные придаточные выполняют функцию структурирования дискурса, а постпозитивные имеют более узкую область действия, распространяющуюся на главное предложение. Форд также предлагает объяснения для неравномерного распределения семантически различных придаточных по позициям относительно главного предложения. Так, причинные придаточные никогда не бывают в препозиции, а условные оказываются в препозиции более чем в половине случаев.

Сама Сандра Томпсон является соавтором недавней программной статьи Ono, Thompson 1995. В этой статье ставится задача, вслед за

методологией Анализа бытового диалога, попытаться сформулировать синтаксические закономерности на основе наблюдений над реальным дискурсом, вместо того, чтобы строить априорные модели. Выводы состоят в том, что дискурс обнаруживает не столько грамматику, сколько грамматикализацию, повторение определенных структурных моделей, так называемых конструкционных схем. Реализация конструкционных схем движется когнитивными и коммуникативными обстоятельствами. По мнению авторов, «ясное понимание того, что такое синтаксис, должно опираться на понимание того, что такое бытовой диалог» (Ono, Thompson 1995: 259). Дальнейшее развитие подхода, скрещивающего лингвистический функционализм и социологический Анализ бытового диалога, вероятно, будет представлено в новом сборнике «Грамматика и взаимодействие» (Ochs, Schegloff, Thompson *in press*).

Сандре Томпсон можно было бы присвоить титул самого многостороннего функционалиста. Диапазон ее работ включает Теорию риторической структуры и Анализ бытового диалога, типологию и грамматическую теорию, англистику и китанистику.

6. Другие работы

Выше неоднократно отмечалась связь между функционализмом и интересом к лингвистической типологии. Хотя анализ американской типологии непосредственно не входил в задачи данного обзора, большинство описанных подходов являются в сущности типологическими. Существуют и работы, которые представляют собой типологию «как таковую». В этой рубрике, несомненно, в первую очередь надо упомянуть поразительные по своему разнообразию работы Бернарда Комри. Комри — типолог самого широкого диапазона. Он является автором и обобщающих работ о лингвистической типологии в целом (Comrie 1986, 1988а, 1993а); и работ по общей типологии того или иного явления, например, вида (Comrie 1993б), топика (Comrie 1988б), референциальные средства (Comrie 1989) и мн. др.; и, наконец, множества работ по конкретным языкам либо по отдельным проблемам в конкретных языках, всегда выполненным в типологической перспективе (Comrie 1985, 1987, 1991, Comrie, Horie 1995 и мн. др.). Хотя работы Комри, несомненно, относятся к функционалистской гамме (ее не-радикальному полюсу), основной акцент его работ именно на типологии, а не на идеях функционализма.

Разумеется, в силу мозаичности американского функционализма, далеко не все важные работы получили адекватное освещение в разделах 4 и 5 настоящего обзора. Более подробного освещения заслуживали бы вскользь упомянутые работы Хэймана (Haiman 1983, 1985а), Хоппера (Hopper 1987, Hopper, Thompson 1980, 1984), Хокинса

(Hawkins 1994), Ламбрехта (Lambrecht 1994), Крофта (Croft 1990, 1991, 1995) и многие другие. Естественные ограничения места не позволяют это сделать. Разумеется, целый ряд имен и интересных исследований остались вообще неупомянутыми — например, бурно развивающиеся сейчас исследования языковых контактов (см. Thomason, Kaufman 1988).

Следует, однако, упомянуть некоторые проблемы, которым в последнее время былоделено наибольшее коллективное внимание многих функционалистов (чаще всего, в форме выпусков серии *Typological Studies in Language*).

Наиболее общая из этих проблем — явление грамматикализации, то есть диахронического процесса семантического и формального упрощения слов и морфем. Проблематика грамматикализации отчасти была затронута выше на примере работ Байби и ее соавторов. Другая наиболее важная публикация в этой области — двухтомник Traugott, Heine 1991. Обращаясь к грамматикализации, функционалисты снимают классический структуралистский постулат о принципиальном различии между синхронией и диахронией.

К более частным явлениям, наиболее популярным в последние годы, относятся: явления, связанные с семантической и грамматической переходностью (Shibatani 1988, Comrie, Polinsky 1993, Fox, Hopper 1994, Givón 1994, Kemmer 1993); модальность (Bybee, Fleischmann 1995); полипредикативность (Haiman, Thompson 1988, Tomlin 1987); анафора (Tomlin 1987, Fox 1996); структура дискурса (Tomlin 1987, Gernsbacher, Givón 1995); и, конечно, порядок слов (см. раздел 8 ниже).

7. Функционализм, когнитивная лингвистика и психолингвистика

С содержательной точки зрения, когнитивная лингвистика несомненно должна считаться частью функционализма. Когнитивный подход — это один из способов объяснения языковых явлений. Однако по сложившейся в современной американской лингвистике классификации, функциональная и когнитивная лингвистика — это хотя и совместимые, но параллельно существующие направления. Когнитивная лингвистика в узком смысле (см. главу 10 А. Ченки и главу 11 Е. В. Рахилиной в настоящем сборнике) — это набор четко очерченных семантических концепций, обычно связанных с именами конкретных авторов (в первую очередь Лакоффа и Лангакера).

Однако когнитивная лингвистика в широком смысле — более открытая область. Об этом можно судить, например, по содержанию журнала *Cognitive Linguistics*. На 4-й и 5-й конференциях Международной ассоциации когнитивной лингвистики (Альбукерке, 1995 и Амстердам, 1997) было представлено много докладов, которые не относились к когнитивной лингвистике в узком смысле, а были посвящены

когнитивному объяснению самых различных языковых явлений. В последнее время возникли попытки интеграции между функционализмом и когнитивной лингвистикой, проявившиеся в серии конференций «Концептуальная структура, дискурс и язык» (см. публикацию докладов первой из этих конференций в сборнике Goldberg 1996). Среди приглашенных участников этих конференций значатся не только корифеи когнитивной лингвистики, но и функционалисты, исследующие дискурс.

Американское понимание психолингвистики весьма отлично от отечественного. Американская психолингвистика — экспериментальная дисциплина, имеющая гораздо больше общего с психологией, чем с лингвистикой. Весь методологический аппарат психолингвистики перенесен из экспериментальной психологии. При этом психолингвистика изучает языковое поведение, поэтому часто исследует те же проблемы, которые интересуют лингвистов. Обычно психолингвисты, достаточно индифферентно относясь к теоретизированию, принимают в качестве априорной гипотезы одну из лингвистических моделей, и далее занимаются экспериментальной проверкой различных утверждений, связанных с этой моделью. Наиболее рас пространенным теоретическим подходом в американской психолингвистике поэтому является хомскианский подход (см. главы 7 и 8 настоящего сборника).

Тем не менее, есть ряд психолингвистов-функционалистов. В их работах представлены все основные разделы психолингвистики, в частности, синтаксический анализ (см. MacWhinney, Bates 1989) и усвоение языка ребенком (см. Slobin 1985–1992, Bergman, Slobin 1994, Tomasello 1992). Как и для функционализма вообще, для этих работ очень важна их типологическая ориентация. Некоторые исследования известного психолингвиста Д. Слобина выполнены в соавторстве или в сотрудничестве с такими функционалистами, как Дж. Байби и Р. Ван Вален (Bybee, Slobin 1982, Slobin 1992). Наиболее известные психолингвисты, эксплицитно обсуждающие проблематику функционализма — Э. Бейтс, Б. МакУинни (Bates, MacWhinney 1989), М. Томаселло (Tomasello 1995).

Существует ряд психолингвистических моделей, особенно актуальных для лингвистического функционализма, поскольку они основаны на представлении знаний при понимании языка (Kintsch 1988, Gernsbacher 1990).

8. Порядок слов: функциональный подход

В настоящем сборнике не раз (см. особенно главу 3) затрагивается подход генеративной грамматики к проблематике порядка слов и, в частности, «свободного» порядка слов славянского типа. Данный раздел представляет собой небольшое *case study*, посвященное одному кругу явлений — порядку слов и подходам к его описанию и объяснению, характерным для американских функционалистов.

Распространены по крайней мере две традиции изучения порядка слов, которые можно назвать «гринберговской» и «пражской». Первая восходит к ранним работам Джозефа Гринберга (Greenberg 1963) и основана на предположении, что в каждом языке есть нейтральный, базовый, немаркированный, грамматикализованный порядок слов — ср. работы Hawkins 1983, Tomlin 1986, Dryer 1992. Вторая традиция генетически связана с работами чешских лингвистов, исследовавших не-грамматически заданный порядок слов в славянских языках (Mathesius 1929/1983, Firbas 1964), и объясняет порядок слов «прагматическими» статусами типа «тема/рема» (альтернативные термины: «топик/комментарий» или «топик/фокус»).

Эти подходы не обязательно противоречат друг другу, так как в принципе язык может иметь базовый порядок слов, изменяемый под влиянием прагматических факторов. Чаще всего так дело и обстоит, поскольку языки, где базовый порядок слов вообще никогда не нарушается, очень редки (английский язык довольно близок к этому типу).

«Гринберговская» традиция в последнее время обогатилась прежде всего важной серией работ Мэттью Драера, выполненных им в рамках большого проекта по типологии порядка слов (ср. также данные Николс о порядке слов, упоминавшиеся в параграфе 4.2 выше). Здесь мы рассмотрим наиболее важную из работ Драера — статью «Гринберговские корреляции порядков слов» (Dryer 1992). Статья Драера имеет своей целью проверить утверждения о том, что порядки элементов в рамках различных составляющих коррелируют друг с другом — например, утверждение, что языки с базовым порядком OV обычно имеют также порядок «прилагательное — существительное» и обладают послелогами, а не предлогами. От большинства литературы по порядку слов работа Драера отличается тем, что в ней учитывается не только порядок основных элементов клаузы, но и порядки в других типах составляющих. Статья Драера имеет по крайней мере три аспекта, которые необходимо упомянуть.

Во-первых, Драер использует разработанную процедуру формирования выборки языков, которая позволяет ему освободить количественные результаты от случайностей и искажений. Все языки мира разбиты на генетические группы, именуемые «генусами», сопоставимые с подгруппами индоевропейской семьи и имеющие глубину расхождения не более 4-х тысяч лет. Языки-изолиты образуют отдельные генусы. База данных Драера состоит из 543 языков, но в каждом конкретном подсчете каждый генус (их в базе данных 252) представлен одним языком. Это позволяет избежать генетического искажения результатов. Кроме того, языки разбиты на 6 ареалов (Африка, Евразия, Юго-восточная Азия и Океания, Австралия — Новая Гвинея, Северная Америка и Южная Америка). Ареальное разбиение позволяет определить, какие явления универсальны, а какие характерны для определен-

ного ареала; таким образом избегается ареальноное искажение. Процедура формирования выборки Драера — одна из наиболее продвинутых в современной лингвистике (ср. работы Nichols 1992 и Bybee, Perkins, Pagliuca 1994, обсуждавшиеся выше).

Во-вторых, Драеру удается подтвердить одни и опровергнуть другие количественные корреляции между порядками слов. Корреляция в данном случае понимается в строгом статистическом смысле. В качестве конституирующей характеристики языка принимается взаимный порядок глагола и дополнения в глагольной группе, а все остальные типы порядков сравниваются с ним. При этом в любом типе словосочетания один элемент является аналогом глагола в глагольной группе, а второй — аналогом дополнения. Коррелируют с порядком глагола и дополнения порядки следующих элементов: глагола и подлежащего; предлога/послелога и имени; связки/вспомогательного глагола и основного предиката; глагола и сентенциального актанта; союза и сентенциального актанта/сирконстанта; вопросительного элемента и основной клаузы; артикля и имени; имени и генитивного определения; имени и относительного оборота; прилагательного и объекта сравнения; глагола и предложной/последовательной группы; глагола и наречия образа действия. Не коррелируют с порядком глагола и дополнения порядки следующих элементов: прилагательного и имени; указательного местоимения и имени; усилительного наречия и прилагательного; отрицательной или временной частицы и глагола.

В-третьих, Драер предлагает объяснение наблюдаемых явлений. Корреляции порядков часто объясняются и обобщаются авторами на основе противопоставления вершины (глагол в глагольной группе и все его аналоги в других словосочетаниях) и зависимого (дополнение в глагольной группе и его аналоги). Драер стремится показать, что объяснение в терминах вершины/зависимого не может предсказать всех реальных корреляций, и, к тому же, предсказывает неверные корреляции (например, порядка существительного и прилагательного). Драер предлагает иной принцип объяснения — в терминах направления ветвления (вправо/влево) в дереве составляющих. По мнению Драера, этот принцип предсказывает корпус наблюдений с большей точностью. Одни языки имеют тенденцию к левому ветвлению, другие — к правому, и эти общие тенденции предопределяют конкретные порядки слов в словосочетаниях разных типов. Эта часть работы Драера близка к исследованию Джона Хоклиса (Hawkins 1990, 1994).

Существенный прогресс в «гринберговской» традиции, обязанной работе Драера, сочетается с прогрессом в исследовании «прагматических» заданного порядка слов. За последние годы было опубликовано два значительных сборника статей по проблемам порядка слов — «Прагматика изменчивости порядка слов» (Payne 1992c, ср. рецензию Kibrik 1995) и «Порядок слов в дискурсе» (Downing,

Noonan 1995). Дальнейшее изложение в основном опирается на эти публикации.

Согласно изначальной «пражской» идеи, более тематические элементы располагаются в предложении раньше, чем более рематические. Предполагаемая универсальность этой тенденции была поставлена под сомнение после ряда исследований, в особенности статьи Р. Томлина и Р. Роудса (Tomlin, Rhodes 1979/1992), обнаруживших в языке ольжива (алгонкинская семья) прямо противоположную тенденцию: тематическая информация располагается позже, чем нетематическая. В работах Т. Гивона сходное утверждение не раз формулировалось как «если ли не универсалия» (напр., Givón 1984: 206ff.). К настоящему времени накопилось большое количество свидетельств о том, что принцип «рематическая информация вначале» (с вариациями: новое вначале, неопределенное вначале, важное вначале, срочное вначале) очень распространен в языках мира — см. Mithun 1987/1992, Payne 1992b, «если ли не большая часть статей в сборниках Payne 1992c и Downing, Noonan 1995. П. Даунинг (Downing 1995: 13-17) пытается дать когнитивные объяснения обоим принципам порядка, однако остается неясно, почему в одних случаях преобладает один принцип, а в других — другой. М. Митун (Mithun 1995) отмечает, что принцип «рема вначале» поддерживается просодическими факторами, так как и рема, и начало склонны к просодической выделенности.

М. Митун (Mithun 1987/1992) высказала также предположение, что базовый порядок слов — не универсально применяемый параметр, т. е. для некоторых языков это понятие просто не имеет смысла. Митун проанализировала тексты трех полисинтетических языков Америки и Австралии и пришла к выводу, что в этих языках в переходных клаузах оба актанта бывают выражены именными группами настолько редко (в 1-3% случаев), что данная конструкция вообще периферийна и никакой трехчленный порядок не может считаться базовым.

Действительно, еще начиная с Гринберга одним из основных критериев базовости того или иного порядка обычно считается его наибольшая частотность. Например, во многих славянских языках возможны различные порядки, но базовый порядок SVO встречается чаще других. М. Драер (Dryer 1995) доказывает, что главным критерием базовости того или иного порядка должна считаться его pragmatische Немаркированность, которая теоретически может не совпадать с максимальной частотностью в дискурсе.

Во многих работах отмечается, что называть не-грамматический порядок слов «свободным» не вполне корректно, так как он отнюдь не является произвольным. Так, в работе о языке о'одхам (= папаго; юто-ацтекская семья), в котором порядок слов следует модели «неопределенное — глагол — определенное», Дорис Пэйн оструумно замечает:

«если бы первыми лингвистами были носители о'одхам и если бы они были склонны считать, что все возможные языки действуют на основе тех же соответствий между функциями и структурами, что и их родной язык, то английский рассматривался бы как язык со «свободным» порядком слов» (Payne 1992b: 162), поскольку по-английски определенные и неопределенные именные группы могут располагаться в разных частях клаузы. Из этого вытекает, что чрезмерный акцент только на одной типологии порядка слов — основанной на понятиях подлежащего и дополнения — не вполне оправдан.

В ряде работ предпочтительность того или иного порядка связывается и с другими дискурсивными характеристиками, в частности, структурой дискурса и его членением на эпизоды (Meyer 1992, Coogerman 1992), дискурсивной ролью клауз (Myhill 1992, Luraghi 1995). В других работах отмечается влияние типа или жанра дискурса: в одном и том же языке правила порядка слов могут различаться в разных дискурсах (Quakenbush 1992, Dryer 1995, Kim 1995, Longacre 1995).

К числу наиболее важных обзорных работ, характеризующих состояние исследований в данной области, относятся вступительные статьи редакторов двух рассмотренных сборников — Payne 1992a и Downing 1995.

Представляется, что дальнейший прогресс в области исследования порядка слов возможен лишь при изменении взгляда на проблему: порядок слов должен рассматриваться не как исходная точка рассмотрения, а как один из формальных приемов, реализующих определенные когнитивные функции, наряду с репертуаром других формальных средств.

9. Место функционализма в общей панораме американской лингвистики и перспективы на будущее

Самая фундаментальная оппозиция, характерная для современной американской лингвистики, — это оппозиция между формальной и функциональной лингвистикой. Однако по масштабам эти два направления несопоставимы. Формальная лингвистика — это намного более влиятельное и мощное на сегодняшний день направление с точки зрения числа вовлеченных в него людей, рабочих мест, периодических изданий и денег. (Сама формальная лингвистика также имеет асимметричную внутреннюю структуру и состоит из одного «небоскреба» — хомскянской генеративной грамматики — и множества более мелких течений и ответвлений.) Не редкость встретить представителя генеративной грамматики, который вообще не подозревает о существовании другой лингвистики — традиционной, европейской, функциональной или какой бы то ни было. Напротив, ни один функционалист не в состоянии полностью абстрагироваться от существования генера-

тичного великана. Функционалисты обычно болезненно переживают свое периферийное положение в американской лингвистике.

Способы выражения этих эмоций весьма различны — от общефилософских атак на генеративизм (ранний Гивон, ср. Givón 1979a) до редких попыток эксплицитного сопоставления (Van Valin 1985) и наиболее распространенного фактического игнорирования.

Вопреки иногда высказываемому генеративистами мнению (ср. главу 1 Дж. Бейлина в настоящем сборнике), функционализм не является дисциплиной, параллельной генеративной грамматике и изучающей некий иной круг явлений. Функционализм изучает все те явления, которые находятся в сфере интересов формальной лингвистики (за исключением тех, которые считает просто вымышленными), и в дополнение к тому еще много других явлений. Поэтому функционализм является конкурентом формальной лингвистики, и перспектива их «мирного сосуществования» маловероятна.

Функционализм — бурно развивающаяся научная парадигма. В настоящее время функционалисты интенсивно обсуждают свою исследовательскую программу (см. Van Valin 1990b, 1991a, Givón 1995, Ono, Thompson 1995, Tomlin *in press*) и часто откровенно анализируют слабости собственного подхода. Критика функционализма извне часто сводится к опровержению карикатуры на функционализм, созданной самим автором критики (напр., Labov 1994: 547–568).

Функционализм пока не приобрел черты «настоящей» науки. Но продвижение его в эту сторону несомненно, и с каждым годом функционалисты задаются все более глубокими вопросами о том, как язык устроен на самом деле. Вероятно, этот прогресс будет продолжен, в частности на путях междисциплинарных исследований, объединяющих лингвистику с психологией, нейронаукой, социологией, антропологией, естественными науками.

Одновременный процесс — все большее размежевание между двумя ветвями современной лингвистики: функционализмом и формализмом. Хотя существуют лингвисты, лояльно относящиеся к обеим парадигмам (см., например, Prince 1991), они становятся все более маргинальной группой. Едва ли не единственный лингвист, тщетно пытающийся примирить формальную и функциональную парадигмы — Фредерик Ньюмайер. Его донкихотские усилия довольно дружно отвергаются обеими сторонами (см. Newmeyer 1991 и последующие отклики на эту статью в том же номере журнала «Language and communication»). Вероятно, это говорит о том, что расхождения действительно настолько глубоки, что какое-либо взаимопонимание вряд ли возможно. (Ср., впрочем, одну недавнюю попытку «навести мосты» между формализмом и функционализмом — Croft 1995.) Скорее всего, взаимопонимание не будет возможно до тех пор, пока формальная хомсканская парадигма не претерпит совершенно радикальных изменений.

Литература

- Van Valin, Фоли 1982 — Ван Валин, Р. Д., У. Фоли. Референциальнопролевая грамматика. — *Новое в зарубежной лингвистике XI*. Москва: Прогресс, 376–410.
- Кибрик 1990 — Кибрик А. А. Рецензия на: Russell S. Tomlin. *Basic word order: Functional principles*, London: Croom Helm, 1986. — *Вопросы языкознания*, № 3: 147–150.
- Кибрик 1992 — Кибрик А. А. Местоимения как дейктическое средство. — Бульгина Т. В. (ред.). *Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис*. Москва: Наука, 207–236.
- Кибрик 1994 — Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу. — *Вопросы языкознания*, № 5: 126–139.
- Климов 1977 — Климов Г. А. *Типология языков активного строя*. Москва: Наука.
- Климов 1983 — Климов Г. А. *Принципы контенсионной типологии*. Москва: Наука.
- Кодзасов, Кривнова 1981 — Кодзасов С. В., О. Ф. Кривнова. *Современная американская фонология*. Москва: Изд-во МГУ.
- Падучева 1995 — Падучева Е. В. *Семантические исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Чейф 1971/1975 — Чейф У. *Значение и структура языка*. Москва: Прогресс.
- Чейф 1976/1982 — Чейф У. *Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения*. — *Новое в зарубежной лингвистике XI*. Москва: Прогресс, 277–316.
- Anderson 1982 — Anderson, S. *Where's Morphology?*. — *Linguistic Inquiry* 13: 571–612.
- Austerlitz 1980 — Austerlitz, R., *Language-Family Density in North America and Eurasia*. — *Ural-Altaische Jahrbücher* 52: 1–10.
- Bates 1987 — Bates, E., *Language Acquisition and Language Breakdown from a Functional Perspective*. — Presented at UC Davis Conference on the Interaction of Form and Function in Language.
- Bates, MacWhinney 1989 — Bates, E., B. MacWhinney. Functionalism and the Competition Model. — MacWhinney, Bates 1989: 3–73.
- Berman, Slobin 1994 — Berman, R. A., D. I. Slobin (eds). *Relating Events in Narrative: A Cross-Linguistic Developmental Study*. Hillsdale: Erlbaum.
- Boas 1911/1964 — Boas, F., *Introduction to the Handbook of American Indian Languages*. Washington, D. C.: Georgetown University Press.
- Bybee 1985 — Bybee, J. L., *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam: Benjamins.
- Bybee 1988a — Bybee, J. L., The Diachronic Dimension in Explanation. — Hawkins 1988: 350–380.
- Bybee 1988b — Bybee, J. L., *Morphology as Lexical Organization*. — Hammond, M., M. Noonan (eds). — *Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics*. San Diego: Academic Press, 119–141.

- Bybee, Slobin 1982 – Bybee, J., D. I. Slobin. Rules and Schemas in the Development and Use of the English Past Tense. – *Language* 58: 265-289.
- Bybee, Dahl 1989 – Bybee, J., Ö. Dahl. The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World. – *Studies in Language* 13: 51-103.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 – Bybee, J. L., R. D. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bybee, Fleischmann 1995 – Bybee, J. L., S. Fleischmann (eds). *Modality in Grammar and Discourse*. (Typological Studies in Language, vol. 32.) Amsterdam: Benjamins.
- Chafe 1994 – Chafe, W., *Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: University of Chicago Press.
- Comrie 1985 – Comrie, B., Derivation, Inflection, and Semantic Change in the Development of the Chukchi Verb Paradigm. – Fisiak J. (ed.) *Historical Semantics; Historical Word-Formation*. Berlin: Mouton, 85-95.
- Comrie 1986 – Comrie, B., *Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology*. Oxford: Blackwell.
- Comrie 1987 – Comrie, B., Russian. – Bernard C. (ed.) *The World's Major Languages*. N. Y.: Oxford University Press, 329-347.
- Comrie 1988a – Comrie, B., Linguistic Typology. – Newmeyer F. J. (ed.). *Linguistics: The Cambridge Survey. Vol. I. Linguistic Theory: Foundations*. Cambridge: Cambridge University Press, 447-461.
- Comrie 1988b – Comrie, B., Topics, Grammaticalized Topics, Subjects. – *Proceedings of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society* 14: 265-274.
- Comrie 1989 – Comrie, B., Some General Properties of Reference-Tracking Systems. – Arnold D. et al. (eds). *Essays on Grammatical Theory and Universal Grammar*. Oxford: Clarendon, 37-51.
- Comrie 1991 – Comrie, B., On the Importance of Arabic for General Linguistic Theory. – Comrie B., Mushira Eid (eds). *Perspectives on Arabic Linguistics*, III. Amsterdam: Benjamins, 3-30.
- Comrie 1993a – Comrie, B., Typology and Reconstruction. – Jones Ch. (ed.). *Historical Linguistics: Problems and Perspectives*. London: Longman, 74-97.
- Comrie 1993b – Comrie, B., *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Comrie, Polinsky 1993 – Comrie, B., M. Polinsky. *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: Benjamins.
- Comrie, Horie 1995 – Comrie, B., K. Horie. Complement Clauses versus Relative Clauses: Some Khmer Evidence. – W. Abraham, T. Givón, S. A. Thompson (eds). *Discourse Grammar and Typology*. Amsterdam: Benjamins, 65-76.

- Cooreman 1992 – Cooreman, A., The Pragmatics of Word Order Variation in Chamorro Narrative Text. – Payne 1992c: 243-263.
- Croft 1990 – Croft, W., *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Croft 1991 – Croft, W., *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*. Chicago: University of Chicago Press.
- Croft 1995 – Croft, W., Autonomy and Functional Linguistics. – *Language* 71: 490-532.
- Dahl 1985 – Dahl, Ö., *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dijk 1985 – Dijk, T. A. van (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*. N. Y.: Academic Press.
- Dijk (in press) – Dijk, T. A. van (ed.), *Discourse: A Multidisciplinary Perspective*. London: Sage.
- Downing 1995 – Downing, P., Word Order in Discourse: By Way of Introduction. – Downing, Noonan 1995: 1-28.
- Downing, Noonan 1995 – Downing, P., M. Noonan (eds). *Word Order in Discourse*. (Typological Studies in Language, vol. 30.) Amsterdam: Benjamins.
- Dowty 1979 – Dowty, D., *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel.
- Dryer 1992 – Dryer, M. S., Greenbergian Word-Order Correlations. – *Language* 68: 81-138.
- Dryer 1995 – Dryer, M. S., Frequency and Pragmatically Unmarked Word Order. – Downing, Noonan 1995: 105-136.
- DuBois 1985 – DuBois, J., Competing Motivations. – Haiman 1985b: 345-365.
- DuBois 1987 – DuBois, J., The Discourse Basis of Ergativity. – *Language* 63: 805-855.
- DuBois, Cumming, Schuetze-Coburn 1993 – DuBois, J., S. Cumming, S. Schuetze-Coburn. *Discourse Transcription*. Santa Barbara: UCSB.
- Durie 1985 – Durie, M., *A Grammar of Acehnese*. Dordrecht: Foris.
- Durie 1987 – Durie, M., Grammatical Relations in Acehnese. – *Studies in Language* 11: 365-399.
- Firbas 1964 – Firbas, J., On Defining the Theme in Functional Sentence Analysis. – *Travaux Linguistiques de Prague* 1: 267-280.
- Foley, Van Valin 1984 – Foley, W., R. D. Van Valin Jr. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ford 1993 – Ford, C., *Grammar in Interaction: Adverbial Clauses in American English Conversation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fox 1987 – Fox, B. A., *Discourse Structure and Anaphora in Written and Conversational English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fox 1996 – Fox, B. A. (ed.), *Studies in Anaphora*. (Typological Studies in Language, vol. 33.) Amsterdam: Benjamins.

- Fox, Thompson 1990 – Fox, B. A., S. A. Thompson. *A Discourse Explanation of the Grammar of Relative Clauses in English Conversation.* – *Language* 66: 297-316.
- Fox, Hopper 1994 – Fox, B. A., P. Hopper (eds). *Voice: Form and Function.* (Typological Studies in Language, vol. 27.) Amsterdam: Benjamins.
- Gernsbacher 1990 – Gernsbacher, M. A., *Language Comprehension as Structure Building.* Hillsdale: Erlbaum.
- Gernsbacher, Givón 1995 – Gernsbacher, M. A., T. Givón (eds). *Coherence in Spontaneous Text.* (Typological Studies in Language, vol. 31.) Amsterdam: Benjamins.
- Givón 1979a – Givón, T., *On understanding Grammar.* N. Y.: Academic Press.
- Givón 1979b – Givón, T. (ed.), *Discourse and Syntax.* N. Y.: Academic Press.
- Givón 1983 – Givón, T. (ed.), *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study.* (Typological Studies in Language, vol. 3.) Amsterdam: Benjamins.
- Givón 1984-1990 – Givón, T., *Syntax: A Functional-Typological Introduction.* Vol. 1, 1984. Vol. 2, 1990. Amsterdam: Benjamins.
- Givón 1994 – Givón, T. (ed.), *Voice and Inversion.* (Typological Studies in Language, vol. 28.) Amsterdam: Benjamins.
- Givón 1995 – Givón, T., *Functionalism and Grammar.* Amsterdam: Benjamins.
- Goldberg 1996 – Goldberg, A. (ed.), *Conceptual Structure, Discourse, and Language.* Stanford: CSLI.
- Greenberg 1963 – Greenberg, J., Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements. – Greenberg J. (ed.). *Universals of Human Language.* Cambridge (Mass.): MIT Press, 73-113.
- Greenberg 1987 – Greenberg, J., *Language in the Americas.* Stanford: Stanford University Press.
- Haiman 1983 – Haiman, J., Iconic and Economic Motivation. – *Language* 59: 781-819.
- Haiman 1985a – Haiman, J., *Natural Syntax: Iconicity and Erosion.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Haiman 1985b – Haiman, J. (ed.), *Iconicity in Syntax.* (Typological Studies in Language, vol. 6.) Amsterdam: Benjamins.
- Haiman, Thompson 1988 – Haiman, J., S. A. Thompson (eds). *Clause Combining in Grammar and Discourse.* (Typological Studies in Language, vol. 18.) Amsterdam: Benjamins.
- Hawkins 1983 – Hawkins, J., *Word Order Universals.* N. Y.: Academic Press.
- Hawkins 1988 – Hawkins, J. (ed.), *Explaining Language Universals.* Oxford: Blackwell.
- Hawkins 1990 – Hawkins, J., A Parsing Theory of Word Order Universals. – *Linguistic Inquiry* 21: 223-261.

- Hawkins 1994 – Hawkins, J., *A Performance Theory of Word Order and Constituency.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991 – Heine, B., U. Claudi, F. Hünnemeyer. *Grammaticalization: A Conceptual Framework.* Chicago: University of Chicago Press.
- Hopper 1987 – Hopper, P., *Emergent Grammar.* – *Proceedings of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society* 13: 139-157.
- Hooper, Bybee 1976 – Hooper, P., J. Bybee. *An Introduction to Natural-Generative Phonology.* N. Y.: Academic Press.
- Hopper, Thompson 1980 – Hopper, P., S. A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse. – *Language* 56: 251-299.
- Hopper, Thompson 1982 – Hopper, P., S. A. Thompson (eds). *Studies in Transitivity.* N. Y.: Academic Press.
- Hopper, Thompson 1984 – Hopper, P., S. A. Thompson. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar. – *Language* 60: 703-772.
- Hymes 1996 – Hymes, D., *Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality: Toward an Understanding of Voice.* London: Taylor and Francis.
- Jaeger et al. 1996 – Jaeger, J. J., A. H. Lockwood, D. L. Kemmerer, R. D. Van Valin, B. Murphy, H. G. Khalak. A Positron Emission Tomographic Study of Regular and Irregular Verb Morphology in English. – *Language* 72: 451-497.
- Jelinek 1985 – Jelinek, E., *The Projection Principle and the Argument Type Parameter.* Presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America.
- Kemmer 1993 – Kemmer, S., *The Middle Voice.* (Typological Studies in Language, vol. 23.) Amsterdam: Benjamins.
- Kibrik 1995 – Kibrik, A. A., Review of Payne 1992c. – *Studies in Language* 19: 223-237.
- Kim 1995 – Kim, Kyu-hyun, WH-Clefts and Left-Dislocation in English Conversation. – Downing and Noonan 1995: 247-298.
- Kintsch 1988 – Kintsch, W., The Role of Knowledge in Discourse Comprehension. – *Psychological Review* 95: 163-182.
- Kuno 1975 – Kuno, S., Three Perspectives in the Functional Approach to Syntax. – *Papers from the Parasession on Functionalism.* Chicago: Chicago Linguistic Society, 276-336.
- Labov 1994 – Labov, W., *Principles of Linguistic Change. Vol. 1: Internal Factors.* Oxford: Blackwell.
- Lambrecht 1987 – Lambrecht, K., Sentence Focus, Information Structure, and the Thetic-Categorial Distinction. – *Proceedings of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society* 13: 366-382.
- Lambrecht 1994 – Lambrecht, K., *Information Structure and Sentence Form.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Lehmann 1982 – Lehmann, Ch., *Thoughts on Grammaticalization: A Programmatic Sketch,* vol. I. (Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts Nr. 48.) University of Cologne.

- Longacre 1995 – Longacre, R. E., Left Shifts in Strongly VSO Languages. – Downing, Noonan 1995: 331-354.
- Luraghi 1995 – Luraghi, S., The Pragmatics of Verb Initial Sentences in Some Ancient Indo-European Languages. – Downing, Noonan 1995: 335-386.
- MacWhinney, Bates 1989 – MacWhinney, B., E. Bates (eds). *The Cross-Linguistic Study of Sentence Processing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann, Thompson 1986 – Mann, W. C., S. A. Thompson. Relational Propositions in Discourse. – *Discourse Processes* 9: 57-90.
- Mann, Thompson 1988 – Mann, W. C., S. A. Thompson. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. – *Text* 8: 243-281.
- Mann, Thompson 1992 – Mann, W. C., S. A. Thompson (eds). *Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text*. Amsterdam: Benjamins.
- Mann, Matthiessen, Thompson 1992 – Mann, W. C., Ch. M. I. M. Matthiessen, S. A. Thompson. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis. – Mann, Thompson 1992: 39-78.
- Mathesius 1929/1983 – Mathesius, W., Functional linguistics. – Vachek J. (ed.). *Pragutana*. Amsterdam: Benjamins.
- Meyer 1992 – Meyer, K. S., Word Order in Kiama. – Payne 1992c: 167-192.
- Mithun 1986 – Mithun, M., Disagreement: The Case of Pronominal Affixes and Nouns. – *Proceedings of the Georgetown University Round Table Conference on Language and Linguistics*. Washington, D. C.: 50-66.
- Mithun 1987/1992 – Mithun, M., Is Basic Word Order Universal? – Payne 1992c: 15-62.
- Mithun 1995 – Mithun, M., Morphological and Prosodic Forces Shaping Word Order. – Downing, Noonan 1995: 387-424.
- Myhill 1992 – Myhill, J., Word Order and Temporal Sequencing. – Payne 1992c: 265-278.
- Newmeyer 1991 – Newmeyer, F. J., Functional Explanation in Linguistics and the Origins of Language. – *Language and Communication* 11: 3-28.
- Nichols 1984 – Nichols, J., Functional Theories of Grammar. – *Annual Review of Anthropology* 13: 97-117.
- Nichols 1986 – Nichols, J., Head-Marking and Depending-Marking Grammar. – *Language* 62: 56-119.
- Nichols 1990 – Nichols, J., Linguistic Diversity and the First Settlement of the New World. – *Language* 66: 475-521.
- Nichols 1992 – Nichols, J., *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago: University of Chicago Press.

- Nichols, Peterson 1996 – Nichols, J., D. A. Peterson. The Amerind Personal Pronouns. – *Language* 72: 336-371.
- Ochs, Schegloff, Thompson (in press) – Ochs, E., E. Schegloff, S. A. Thompson (eds). *Grammar and interaction*.
- Ono, Thompson 1994 – Ono, T., S. A. Thompson. Unattached NPs in English Conversation. – *Proceedings of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society* 20: 402-418.
- Ono, Thompson 1995 – Ono, T., S. A. Thompson. What Can Conversation Tell Us about Syntax. – Davis, P. W. (ed.). *Alternative Linguistics: Descriptive and Theoretical Models*. Amsterdam: Benjamins, 213-272.
- Payne 1992a – Payne, D., Introduction. – Payne 1992c: 1-13.
- Payne 1992b – Payne, D., Nonidentifiable Information and Pragmatic Order Rules in 'O'odham. – Payne 1992c: 137-166.
- Payne 1992c – Payne, D. (ed.), *Pragmatics of Word Order Flexibility. (Typological Studies in Language, vol. 22)*. Amsterdam: Benjamins.
- Prince 1991 – Prince, E. F., On 'Functional Explanation in Linguistics and the Origins of Language'. – *Language and Communication* 11: 79-82.
- Quakenbush 1992 – Quakenbush, S. J., Word Order and Discourse Type: An Austronesian Example. – Payne 1992c: 279-304.
- Roberts 1988 – Roberts, J., Amele Switch-Reference and the Theory of Grammar. – *Linguistic Inquiry* 19: 45-64.
- Sacks, Schegloff, Jefferson 1974 – Sacks, H., E. Schegloff, G. Jefferson. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. – *Language* 50: 696-735.
- Saxon 1989 – Saxon, L., Lexical versus Syntactic Projection: The Configurationality of Slave. – Eung-Do Cook, K. Rice (eds). *Athapaskan Linguistics: Current Perspective on a Language Family*. Berlin: Mouton de Gruyter, 379-406.
- Shibatani – Shibatani, M. (ed.), *Passive and Voice. (Typological Studies in Language, vol. 16)*. Amsterdam: Benjamins.
- Slobin 1985-1992 – Slobin, D. I. (ed.), *The Cross-Linguistic Study of Language Acquisition*. Vol. 1, 2 (1985). Vol. 3 (1992). Hillsdale: Erlbaum.
- Thomason, Kaufman 1988 – Thomason, S. G., T. Kaufman. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley: University of California Press.
- Thompson 1988 – Thompson, S. A., A Discourse Approach to the Cross-Linguistic Category 'Adjective'. – Hawkins 1988: 176-185.
- Thompson 1991 – Thompson, S. A., On Addressing Functional Explanation in Linguistics – *Language and Communication* 11: 93-96.
- Thompson, Mulac 1991 – Thompson, S. A., A. Mulac. The Discourse Conditions for the Use of the Complementizer *That* in Conversational English. – *Journal of Pragmatics* 15: 237-251.

- Tomasello 1992 – Tomasello, M., *First Verbs: A Case Study of Early Grammatical Development*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tomasello 1995 – Tomasello, M., Language Is Not an Instinct (Review of: S. Pinker, *The Language Instinct: How the Mind Creates Language*. N.Y.: William Morrow, 1994.). – *Cognitive Development* 10, 131-156.
- Tomlin 1986 – Tomlin, R. S., *Basic Word Order: Functional Principles*. London: Croom Helm.
- Tomlin 1987 – Tomlin, R. S. (ed.), *Coherence and Grounding in Discourse*. (Typological Studies in Language, vol. 11.) Amsterdam: Benjamins.
- Tomlin 1995 – Tomlin, R. S., Focal Attention, Voice, and Word Order: An Experimental, Cross-Linguistic Study. – Downing, Noonan 1995: 517-554.
- Tomlin (in press) – Tomlin, R. S., Mapping Conceptual Representations into Linguistic Representations: The Role of Attention in Grammar – Nuyts J., E. Pederson (eds). *With Language in Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 162-189.
- Tomlin, Pu 1991 – Tomlin, R. S., M.-M. Pu. The Management of Reference in Mandarin Discourse. – *Cognitive Linguistics* 2: 65-93.
- Tomlin, Rhodes 1979/1992 – Tomlin, R., R. Rhodes. Information Distribution in Ojibwa. – Payne 1995: 117-136.
- Tomlin, Villa 1994 – Tomlin, R. S., V. Villa. Attention in Cognitive Science and Second Language Acquisition. – *Studies in Second Language Acquisition* 16: 183-203.
- Tomlin, Forrest, Pu, Kim (in press) – Tomlin, R. S., L. Forrest, M.-M. Pu, M. H. Kim. Discourse Semantics, Chapter 3 of Dijk (in press).
- Traugott, Heine 1991 – Traugott, E. C., B. Heine (eds). *Approaches to Grammaticalization* (Typological Studies in Language, vol. 19.) Amsterdam: Benjamins.
- Van Valin 1977 – Van Valin, R. D. Jr. *Aspects of Lakota Syntax*. Ph. D. Dissertation, University of California. Berkeley.
- Van Valin 1981 – Van Valin, R. D. Jr. Grammatical Relations in Ergative Languages. – *Studies in Language* 5: 361-394.
- Van Valin 1985 – Van Valin, R. D. Jr. Case Marking and the Structure of the Lakota Clause. – Nichols J., A. Woodbury (eds). *Grammar Inside and Outside the Clause*. Cambridge: Cambridge University Press, 363-413.
- Van Valin 1987 – Van Valin, R. D. Jr., Aspects of the Interaction of Syntax and Pragmatics: Discourse Coreference Mechanisms and the Typology of Grammatical Systems. – Verschueren J., M. Bertuccelli-Papi (eds). *The Pragmatic Perspective: Selected Papers from the 1985 International Pragmatics Conference*. Amsterdam: Benjamins, 513-531.
- Van Valin 1990a – Van Valin, R. D. Jr., Semantic Parameters of Split Intransitivity. – *Language* 66: 221-260.
- Van Valin 1990b – Van Valin, R. D. Jr., Functionalism, Anaphora, and Syntax. – *Studies in Language* 14: 169-219.

- Van Valin 1991a – Van Valin, R. D. Jr., Functionalist Linguistic Theory and Language Acquisition. – *First Language* 11: 7-40.
- Van Valin 1991b – Van Valin, R. D. Jr., Another Look at Icelandic Case Marking and Grammatical Relations. – *Natural Language and Linguistic Theory* 9: 145-194.
- Van Valin 1992 – Van Valin, R. D. Jr., An Overview of Ergative Phenomena and Their Implications for Language Acquisition. – Slobin 1992, vol. 3: 15-38.
- Van Valin 1993a – Van Valin, R. D. Jr., A Synopsis of Role and Reference Grammar. – Van Valin 1993c: 1-166.
- Van Valin 1993b – Van Valin, R. D. Jr., *Lectures on Role and Reference Grammar*. Moscow State University, October 1993.
- Van Valin 1993c – Van Valin, R. D. Jr. (ed.), *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam: Benjamins.
- Van Valin 1995 – Van Valin, R. D. Jr., The Acquisition of Grammatical Relations. – Presented at the Winter Linguistics Institute, Moscow State University, February 6-10, 1995.
- Vendler 1967 – Vendler, Z., *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press.